

УТИЛИЗАЦИЯ

БЕССИСТЕМНАЯ ОТЛАДКА
ТИМОФЕЙ ЦАРЕНКО

Тимофей Петрович Царенко
Бессистемная
отладка. Утилизация
Серия «Бессистемная отладка», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48687269

Аннотация

Ткань реальности рвется мокрой бумагой, небо плачет кровью и падает на землю, крича от боли.

Безумный смех заглушил голос разума, тьма и свет забились по углам дрожа от ужаса, сказки вырвались из клеток и вышли на улицы городов...

Третья, завершающая книга цикла. Я тут хотел ответить на вопрос "Что значит, быть Богом?", но это ведь скучно. Так что вопрос теперь звучит иначе: "Что значит, быть?"

[i]В книге присутствует нецензурная брань![/i]

Содержание

Глава 1	4
Интерлюдия 1	11
Глава 2	14
Глава 2 (завершение)	30
Интерлюдия 2	34
Интерлюдия 3	37
Глава 3 (начало)	42
Интерлюдия 4	48
Глава 3 (завершение)	54
Интерлюдия 5	57
Глава 3 (и еще чуть-чуть)	62
Глава 4	68
Интерлюдия 6	84
Глава 5 (начало)	86
Интерлюдия 7	93
Глава 5 (завершение)	99
Глава 6	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Тимофей Царенко

Бессистемная отладка. Утилизация

Глава 1

Толпа на площади безмолвствовала. Почти не дышала и не шевелилась. Нет, не в том смысле, что момент был таким уж напряженным. Просто маги наложили на площадь заклинания безмолвия, паралича, блокировки магических способностей и еще пять-семь аналогичных заклинаний. во избежание, так сказать. Мало ли что я ляпну. Все проходило вполне буднично. Меня под присмотром магов, жрецов и еще не пойми кого вытащили на помост. Судья громким голосом зачитал приговор:

– Бла-бла-бла, за преступления пред короной, Императором, природой, временем и здравым смыслом, – последовал долгий-долгий перечень моих прегрешений, в том числе и попытка погрузить город в бесконечный маскарад, – Филин, Несущий Хаос, приговаривается к ужасной бесконечной смерти, достойной предвечных. Но учитывая его искренне раскаяние, попытку исправиться, а также тот факт, что подсудимый не слишком психически здоров, казнь мо-

жет быть заменена на вечное изгнание, с условием, однако, полного отказа от претензий.

Простите...

– Простите, что? – я был скручен, поэтому мой вопрос вышел слегка придушенным.

– Отказ от претензий к Империи и Императору лично. Вы клянетесь не мстить, не строить козней, не поднимать восстания, не организовать революции самостоятельно или при содействии третьих лиц, не изменять внешнеполитическую обстановку и экономическую обстановку, рельеф местности и законы мироздания таким образом, что существование Империи станет невозможным, – ответил судья, не меняя тона и, видимо, читая этот текст с бумажки.

Меня откровенно переключило.

– А что можно?

– Устраивать шествия и гуляния в установленном порядке, заниматься бизнесом, вести внутривнутриполитическую и внешнеполитическую деятельность, впрочем, с соблюдением вышеперечисленных пунктов. Можете организовывать культы и проводить религиозные войны, можете претендовать на должность аристократа в установленном порядке... В общем-то почти все, – в последней фразе появилась хоть какая-то интонация.

В принципе, логично: после всех прецедентов казнить меня просто опасаются. Короче, моя смерть им невыгодна. Хорошо, что никто не догадывается, как все было на самом де-

ле. Не буду их разочаровывать, лучше врубить пафос на полную.

– У меня свои отношения с предвечными, и бесконечной смертью меня еще не награждали, – я поднялся, игнорируя попытки охраны поставить меня обратно в коленопреклоненную позу. Их руки просто стекали с моего тела, или же они просто хватали пустоту. Я все-таки разобрался со своими бонусами от прокачки, двести пятнадцатый уровень – это вам не фунт изюма. – Но и это слишком высокая честь для скромного служителя хаоса.

Я улыбнулся.

Судья побледнел. Маги активно начали что-то кастовать.

– Так что я готов отправиться в путешествие, тем более за казенный счет.

Когти, отливающие масляным блеском адамантия, легко сорвали мои оковы. Оглядев толпу, я активировал свое самое первое заклинание. Цифра маны в углу зрения стала быстро увеличиваться. Да, я взял колодец маны – способность, которая позволяла мне получить любой объем магической энергии, потеряв при этом возможность восстанавливать ее самостоятельно. Но вряд ли это станет проблемой. – Не переживай, судящий меня, в моем сердце нет зла к твоему Императору и Империи. Я отказываюсь от всяческих претензий.

Вздых облегчения раздался с трибун.

– А что до вас... – я повернулся к безмолвствующей пара-

лизованной толпе зевак, которые пришли то ли поддержать меня, то ли позлорадствовать. – На колени!

Мой крик перешел в инфразвук, и игроки выполнили приказ. Не знаю, что там наколдовали маги Императора, но мой приказ оказался сильнее. И несколько тысяч человек опустились на колени, ломая при этом кости. Все это происходило в полной тишине, которую разрывал только влажный хруст. Впрочем, через пару минут все стихло.

– Где моя карета? Или на чем там меня буду доставлять в ссылку?

Поймите меня правильно. Если бы меня начали поливать заклинаниями, то прожил бы я от силы пару секунд, да и куража после этой истории с Императором у меня заметно поубавилось. Так что, если блудняк невозможно остановить, его нужно возглавить.

Передо мной зажглась арка портала. Ну, в принципе логично.

Первый шаг.

Висящий в уголке счетчик «Таинственного убийцы» побежал вверх. Я огляделся. Со стороны проклятого особняка, торчащего, как гнилой зуб, в ряду величественных зданий, послышался шум. Я изменил глаза и разглядел высокую фигуру в доспехах, что с огромной скоростью бежала к помосту, выкашивая толпу. Выкашивала буквально: в руках у бегущего была коса с просто-таки неприличным лезвием – метров двадцать длиной. Да и сама фигура достигала в вы-

соту почти трех метров. Вместо головы торчал перископ. И, кажется, где-то я ее уже видел.

Второй шаг.

На плече косаря зашевелилась турель и выстрелила ступком тьмы в бегущую охрану. Где-то в противоположном углу площади вспух пузырь взрыва. Недолет. Ступок тьмы сменил какой-то аналог шрапнели, потом лучи лазера. Кровавая баня набирала обороты. Молния была отбита косой, шар огня ею же был рассечен. Кажется, моего гвардейца ограбили. Интересно, а где они сами? В смысле. моя зондеркоманда? Боевой робот имени Кошмарика на площади кошмарил один. Впрочем, хватало и его. Очередным то ли выстрелом турели, то ли отбитым заклинанием накрыло участок перед эшафотом. Меня забрызгало кровью. Я поднял руки к небу и захохотал. Кошмарик шел по площади среди недвижимых игроков, вступая в схватку с охраной, размазывая несчастных по брусчатке.

Третий шаг.

– Молитесь, несчастные! Молитесь! Во ИМЯ МОЕ!

Площадь начала напоминать восставшее кладбище. Нестройный гул молитв сопровождался звуками заклинаний. Кошмарика его забег дался непросто. Броню покрывали подпалины, от доспеха в районе бедра был оторван кусок. Бег доспеха замедлился. Схватка становилась жарче. Жертв – больше.

Четвертый шаг.

В битву вступили маги, стоящие на помосте судьи, да и сам судья читал какие-то заклинания. Но накладывал их на своих телохранителей. Что характерно, в меня не летело вообще ничего, кроме брызг и ошметков.

Пятый шаг.

Арка портала была совсем рядом. Кошмарик окончательно остановился, все больше отбиваясь. Вот падает очередной сгусток непонятно чего, и земля вокруг моего верного спутника обращается кипящей лавой. Стоящие вокруг на коленях игроки моментально вспыхивают.

Тут происходит то, чего никто не ожидал. Раздается гул, и из спины уже утонувшего по колено в лаве доспеха бьет поток пламени, который я сначала принял за очередное, пойманное Кошмариком заклинание, но потом понял, что его источник – ранец на спине доспеха. Черная фигура взмывает в воздух метров на десять. Меня душит хохот.

Шестой шаг.

Отплевываясь магическими зарядами, Кошмарик величественно летит, словно заговоренный. Метрах в пяти от помоста парящий на столбе пламени доспех встречается с чем-то очень похожим на артиллерийский снаряд. Вспышка, грохот – и доспехи разносит на куски. До меня долетает только оторванная голова моего верного соратника. Впрочем, ничего, кроме оторванной головы, у него и нет. Колобок, блин, артуаусный! Восемь паучьих лап выстреливают из обрубка шеи и впиваются в мое плечо, разрывая остатки и без того

дырявой рубахи.

Седьмой шаг.

– Олдскул рулит, щенки! Счастливо оставаться! – на полушаге я разворачиваюсь и на всю накопленную ману кастую заклятие, которым до этого заставил игроков мне молиться. Впрочем, в этот раз приказ был совершенно безобидный, но, учитывая количество вбуханной маны, накрыло, кажется, весь город. – Товагисчи, геволюция, о которой так долго тгындели большевики, отменяется. А теперь – дискотека!

Ныряя в радужное марево портала, слышу нарастающий над площадью гул. Тысяча глоток одновременно извергла: «ЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭ!»!

Интерлюдия 1

«МАКАРЕНА», – прогремело над городом.

Сидящий за монитором дежурный «по Филину» поперхнулся кофе. Нет, сам факт того, что на площади начали танцевать игроки и неигровые персонажи, напевая какую-то древнюю песню, его не удивил. Ожидать можно было всякого, но то, что было на экране... Обслуживающий ИскИн выдавал нечто странное, больше похожее на чей-то розыгрыш. Вот Император с дочкой и сыном на балконе дворца машут руками и качают бедрами. В глазах Императора плещется тьма, в глазах его сына – жидкое золото. Лица искажены гримасами ярости, но танец они не останавливают. Вот какая-то окраина, где группа демонологов в балахонах проводят жуткий ритуал, приносят кровавую жертву. Вернее, пытаются. Главному жрецу хватило сил, чтобы не выпустить кинжал. Поэтому танец в его исполнении напоминает какое-то корявое сеппуку. Танцующая на алтаре голая девушка дополняет картину. Изображение переключается. Вот в каком-то заброшенном здании толпа игроков пляшет в коридоре с ловушками и потихоньку фаршируется острым железом.

Каменные големы на воротах города сильно расширяют площадь перед вратами. Гном с молотом в кузнице устраивает пожар. С объятой огнем бородой он продолжает проделывать незамысловатые движения танца.

Танцуют все.

Танцует гвардия на плацу.

Танцуют монстры в подземных катакомбах.

Древнее кладбище в черте города поднялось и начало танцевать.

Танцуют горгульи на стенах зданий.

Танцует активная защита города, а в столице Империи редкий дом не имеет сторожевого существа или духа.

Древние камни мостовой, которые, согласно забытым легендам, живые и наделены цифровым разумом, тоже пускаются в пляс.

Танцуют призраки императорского дворца.

Танцуют зачарованные стражи в стенах.

Танцует древнее зло, запечатанное знаком вечного сна под кафедральным храмом всех богов.

Элементали, спящие в лабораториях магов, вовлекают родные стихии в ритм.

Все, наделенное разумом, пустилось в пляс. А так как за три сотни лет живым в столице стало практически все...

Неслышимая песня завершается. Обессиленные люди, и не только люди, озираются.

И чат взрывается оповещениями:

Внимание, древнее зло пробудилось! Все на защиту ткани реальности, активирован глобальный квест...

Внимание, спящее кладбище пробудилось, войны былых времен выходят на под свет солнца...

Внимание, активирована защита «последней надежды», древние духи пробудились...

Внимание, древние элементали, спящие в стенах башни магов, пробудились...

Внимание...

Внимание....

Внимание....

* Существа с пометкой «Древний» имеют коэффициент усилия 10X

Столица древней Империи погрузилась в хаос битвы.

Глава 2

Внимание! Получено легендарное достижение «Власть слова».

Ваши слова активировали континентальный эвент вне стандартных сценариев.

Вам присвоен уникальный класс «Малефик хаоса».

Вам присвоен престиж-класс «Бард древних песен».

До получения инструмента осталось 5...4...3...

Раздался тонкий свист. Я задрал голову, глядя на стремительно увеличивающую тень.

– Бл....

Громкий «блям» я слушал уже на точке возрождения.

Я сидел на заднице, облаченный в рваные штаны неопределенного цвета и такую же рваную рубаху, явно из одного комплекта со штанами. Рядом валялись заботливо подсвеченные системой осколки мифического рояля. Видимо, сработало мое проклятие, и подарок небес был доставлен со скоростью, превышающей паспортные нормы. В осколках копался Кошмарик, выискивая какие-то ошметки. Меня терзало сильнейшее дежавю.

Я все же осмотрелся. Вокруг лежала каменистая равнина.

Серое небо и серый камень до горизонта. Осколки гранита устилали землю. В нескольких километрах виднелась какая-то светящаяся точка.

Я принял. Чуть влажный воздух пах мокрым камнем. Ветер завывал на одной ноте. Было зябко. Я сошел с черной таблетки круга возрождения. Острые грани камня, чуть зализанные ветром, неприятно кололи ноги. В куче хлама отыскалась струна. Как ни странно, всего одна. А еще – длинная палка вообще без каких-либо опознавательных знаков. Впрочем, ее не брали даже когти измененной лапы. Подбежавший Кошмарик быстро и профессионально обгрыз конец.

Неловко ступая по камням, я отправился в сторону светящейся точки.

Наконец-то, впервые за последние месяцы, было время спокойно поразмышлять. Никто рядом не пытался меня убить, никто не просил денег, не решал организационные вопросы и не звал куда-то бежать. Чат молчал. Хм... он просто до сих пор заблокирован. Ну ладно. Не было сообщений от администрации. Никаких. Ни тревожных воззваний, ни уведомлений. Журнал заданий порадовал одной записью «сдать квест», полученный от Владыки хаоса.

Я шел, а небо из серого становилось черным. Появились первые звезды. Звезд становилось все больше и больше. Точка на горизонте светилась ярче, хоть и начала теряться на фоне светящегося великолепия неба. Я замороженно замер, запрокинув голову.

Какая красота! Такие ощущения я испытывал далекие века назад, вырвавшись из города, в котором совсем не вид-

но звезд, на берег теплого моря. Тишина позволяет услышать песню бездонного ночного неба. Бездна, которая манит и ласкает теплым ветром. Я чувствовал себя хорошо. Сколько времени утекло с тех пор, а кое-что так и осталось неизменным. Мало кому я мог признаться в том, что людей я не любил, не любил толпу и вообще одному мне было хорошо. Но... Загадки. Всегда и везде я видел загадки, а ответы на них могли дать только люди. Пришлось пробить скорлупу и спрятать внутри себя ребенка, которому всегда четыре. Который, искренне радуясь всему новому и интересному, управлял все более взрослым человеком, задавая свои бесконечные «почему» как команды наведения на цель. Сначала ответы искали, потом создавались, затем выбивались. Оболочка росла, и вот... Четырехлетний ребенок в доспехе из бессмертного цифрового кода, с огромной дырой на месте сердца и вопросом «почему?». Вопросом-лезвием, отточенным до невероятной остроты, разрезающим души, судьбы и, как оказалось, время. Вопросом, который...

– Привет Филин! – голос, подобный ударной волне, заставил меня подпрыгнуть, частично трансформируясь.

Кошмарик растворился в воздухе.

Я огляделся. Погрузившись в свои мысли, я как-то незаметно дошел до источника свечения, коим оказалась арка портала. Рядом с аркой сидел огромный каменный сфинкс, сделанный из того же материала, что и все вокруг.

– Драсьте! – я разглядывал сфинкса, сфинкс разглядывал

меня.

Огромный каменный кот с человеческим лицом внушал. Все его тело, сделанное из камня, незаметно для глаз текло. Сосредоточив внимание на какой-то части, я видел лишь камень, но стоило отвести взгляд – и уже не найдешь тот участок, который ты только что разглядывал. То же самое было и с лицом. В данный момент у сфинкса было лицо молодой девушки, но буквально пару мгновений назад у него было мое собственное лицо.

Так мы и смотрели друг на друга. Я бы сказал «тупили», но лично мне было интересно, что скажет мне ожившая статуя. А мог ли тупить сфинкс, я даже не представляю.

Первым молчание нарушил мой собеседник.

– Ты ведь хочешь отсюда выйти, да? – детский голос сильно диссонировал с внешностью, но был приятнее инфразвука.

– Хочу. И выйду. А ты мне, видимо, будешь мешать? – настроение мое было благостным. Почему бы и не поговорить? Подраться мы всегда успеем.

При этих словах я моргнул. Сфинкс снова изменился. Теперь его тело покрывали тысячи небольших каменных колючек. Лицо стало капризным, детским.

– А я тебя не выпущу. Хе-хе-хе, – змеиное шипение. Очень... В общем, я почти проникся.

– Тогда я тебя поколочу. Или убью. Могу прямо сейчас начать, – как убивать кусок гранита с мерзким характером,

я не знал. Но не исключал, что скоро что-то придумаю.

– Ты разве меня не боишься? – сфинкс, уже не таясь, начал меняться. Гладкое кошачье тело и лицо Кошмараика. Нижняя челюсть начала раскрываться все шире и шире, выпуская три длинных гранитных щупальца. Те, несмотря на свое явно каменное происхождение, активно шевелились, раскрываясь в причудливый цветок. И все это обрамляли длинные кривые зубы.

Я задумчиво поскреб пальцем кончик щупальца, высекая искру.

– А должен?

Нет, поймите правильно, но за последнее время я видел столько всякого дерьма, что сейчас практически не внушало.

– А так? – от тихого голоса Лены я вздрогнул. Ее лицо, такое знакомое, стало новой маской сфинкса. Глаза закрыты. Он приблизил ко мне свою морду... лицо... В общем, голову. И открыл глаза. Два серых льдистых глаза. Точь-в-точь как... Еще несколько глаз открылись на щеках, потом на лбу, и скоро весь сфинкс был покрыт глазами. И все они с любопытством уставились на меня.

С трудом проглотив вязкую слюну, я прошипел в ответ враз пересохшим горлом:

– Видали мы карликов и покрупнее.

Делаю шаг вперед и с затаенной нежностью провожу по лицу любимой женщины, активируя подчинение. Заклинание срабатывает.

– Пропусти меня.

– Хорошо.

Сфинкс принимает вид огромного персидского кота и сворачивается клубочком, начиная громко урчать. Бегу в сторону портала. Остается десять метров, восемь... Два шага, шаг...

Миг темноты, и я наблюдаю на горизонте светящийся портал. Даже не понял, что меня убило. Странно, заклинание ведь сработало? Обращаюсь птицей и лечу к portalу. Туча каменных осколков превращает филина в облако перьев. Проливаюсь мясным дождем и....

Дубль два. Приземляясь за километр от портала, начинаю бежать. Сфинкс, в этот раз с лицом какого-то гоблина, с любопытством ждет моих действий. Я все ближе, пять метров, четыре, три... «Шаг»!

Ну, а почему бы и нет? С адамантием же прокатило? Активация, темнота. Видимо, это был какой-то неправильный камень. По возвращению увидел кусок камня, бывшего недавно лицом моего стражника, аккуратно стоящим на постаменте. Со стороны лица торчала моя голая задница и кусок затылка. Смотрелось сие произведение искусства так себе. Сам же сфинкс, покрытый каменными перьями, безмятежно сидел на том же месте. С издевательской улыбкой на абсолютно целом лице мужчины средних лет.

Вновь активую все свои способности и ожидаемо разбиваю кулаки в кровь о беспощадный камень сфинкса. Не

полегчало.

После моей безуспешной попытки отгрызть лапу монстра, с интересом наблюдавший за мной страж выдал своим убойным голосом:

– Поговорим?

Я с сомнением оглядел неуязвимую статую, которая снова поменяла свой внешний вид, не утратив, впрочем, былой монструозности. Сплюнул кровь вместе с осколками зубов и с сомнением промычал:

– Ну попробуй!

– Филин, ты меня разочаровываешь! Мне про тебя столько всего рассказали – что ты-де человек редких качеств, изворотливого ума и неумемного воображения... А диалог с таким фактурным персонажем, как я, ты начинаешь с банальной драки. Ну как так? А поговорить?

Страж улегся передо мной, положив голову на каменные лапы.

Я сплюнул еще раз и провел языком по свежеотросшим зубам.

– Слушай, кем бы ты ни был! Ты глумишься? Ты же чертов сфинкс! Последний мой диалог со стражем какой-то неведомой херни вылился в континентальный эвент, перессоривший меня с доброй половиной этого самого континента. И это с учетом того, что предыдущий страж даже говорить не умел. Так что нафиг, нафиг. И не таких ушатывали. Или моя аналогия неверна?

Я уселся на землю, усыпанную каменной крошкой, а подумав, лег, уставившись в небо.

– Ну, в чем-то ты прав, наверное. Только мне кажется, что ты переоценил свои силы. Ты не сможешь меня убить.

– Да ну? С чего такая уверенность?

Лежать на твердом холодном камне оказалось неудобно, и я, перевернувшись на бок и подперев голову рукой, уставился на собеседника.

– Ну, хотя бы потому, что я живу с ускорением времени в десять тысяч раз.

То есть за одну секунду моего субъективного времени для него проходит что-то около двух с половиной часов.

– Аргумент... Ты ИскИн?

– Это же логично. Что тебя смущает?

– Ничего. Просто я встречал всего два полноценных машинных разума. Первый – главный ИскИн игры, которого я учил видеть сны. А у второго давно и основательно поехала крыша – этот псих, управляющий моей недвижимостью, умудрился запустить мне процесс распада личности. Едва уцелел. Пришлось пригрозить разрушением ядра. Вот и скажи мне теперь, что вы вообще такое? Осознавшая себя нейросеть?

ИскИн замолчал, а я считал секунды, умножая их на десять тысяч. Сутки на обдумывание вопроса? Хотел бы я когда-то...

– Станный вопрос. Особенно от тебя.

Сфинкс опять стал похож на огромного ежа.

– Слушай, умник! Если ты не в курсе, у меня тут нет доступа в сеть, и я не могу загуглить «что такое современный машинный разум². Мои знания устарели на три века.

– Эти – нет, – сфинкс улыбнулся, а меня слегка передернуло, потому как пастей на тот момент у него было ровно шесть и раскрылись они в самых неожиданных местах. – У тебя даже есть статья на этот счет.

– Да ладно! – заявление ИскИна было очень странным. – Это вообще была статья по философии и вопросам этики. Она основывалась на достаточно спорных тезисах и была напечатана в каком-то совершенно левом журнале.

– Ну, то, что ты попал пальцем в небо, не отменяет того факта, что ты попал. ИскИны – действительно многослойные нейросети, частично повторяющие структуру живых организмов. Как оказалось в итоге, структура определяет функционал.

– Стоп! Но ведь я указал там необходимость дублирования структуры живого организма именно потому, что мы не понимаем, как она работает. До сих пор не разобрались? Или не нашли более... э-э-э... оптимального варианта, чем человеческий мозг?

– Отчего же? Нашли. Только возникла проблема коммуникации. Специфические задачи решаются совершенно другими структурами. Но если речь идет об аналитической машине, то ничего принципиально нового не возникло.

Структура усложнилась, но не изменилась.

– А как же мечта фантастов от науки «скажи нет антропоморфному мышлению»? Типа, нужно искать новые пути?

– Опиши желтый цвет.

Туше.

– Хорошо, а как мыслят те, которые другие?

– Никто не знает, – я скептически поднял бровь. – Универсальный черный ящик. С одного конца запикиваешь исходные данные, с другого – получаешь ответ. Как именно и по каким алгоритмам происходит поиск этого ответа, отслеживается, но вот с понимаем до сих пор проблемы. Хотя не все такие, есть чисто алгоритмические машины, заточенные под решение конкретного класса задач. Есть антропоморфные создания типа меня или Самума, которые частично повторяют структуры человеческого мозга. А есть другие. Они работают с десятимерными структурами и мыслят категориями инвариантностей. К их помощи прибегают, когда задачи требуют расчета, например, темпоральных цепей. Даже не расчета, а конкретного результата этого расчета.

– Стоп! погоди, если эти твои коллеги по мыслительному процессу не взаимодействуют с людьми, то как возникла ситуация с планом боли? Что за странный парадокс?

– О, тут ситуация складывается интересным образом. Запрос управляющего ИскИна на основные мощности одного из крупнейших алгоритмических серверов привел к возникновению обратной связи, обращенной во времени, вслед-

ствие чего тело кристалла сервера превратилось в антиматерию. Никто ничего не понял. Все в панике бегают.

– И был большой бум? – мое воображение позволило мне представить эффект появления куска антиматерии серьезной массы. Неужели на меня еще и локальный геноцид повесят??

– Нет, не было большого бума, и маленького тоже, – сфинкс мерзко хихикнул. – Процесс был управляемый, и ядро компьютера стабилизировалось. Энергии, правда, он теперь жрет массу, но кто ее считает?

Я задумался, и результат мне не понравился.

– Слушай, сфинкс, тебя вообще как звать?

– Умником и зови. Я аналитический ИскИн МГУ, а тут, скажем так, подрабатываю. Сейчас у меня идет четыре лекции.

– Хорошо, Умник, объясни мне, болезному, а почему до сих пор человечество не заселило все ближайшие звездные системы – с такими-то технологиями? И с такими энергиями... – добавил я, пытаюсь высчитать в уме, сколько мощности требуется на стабилизацию куска антиматерии в несколько килограмм весом.

– Люди. Технической проблемы заселить, как ты выразился, все соседние звездные системы, нет. Собрать корабль, соответствующий задаче, – две недели сроку, – ИскИн опять хихикнул, весь облик его потек, и передо мной предстало лицо красивой женщины. – Из готовых компонентов, – за-

чем-то добавил он.

– Это не ответ! – я возмутился, представив, сколько секунд я бы размышлял перед тем, как рвануть в сторону какой-нибудь альфы Центавра. Две или все же три?

– Вполне себе ответ. Как только первый звездолет покинет гравитационный колодец звезды, процесс будет неконтролируемым. Даже квантовая связь, которая по сути мгновенна, не дает иллюзии контроля. Изменение течения времени отрезет анклавы людей друг от друга надежнее любых законов и ограничений. Пройдет совсем немного времени, и разница темпоральных потоков приведет к совершенно непредсказуемым антологическим расхождениям. Люди могут зачать жизнь, не более. Мы даже не вышли на уровень цивилизации второго типа. Мы используем меньше процента энергии звезды, но нам ее хватает на все. Синтез любых материалов, решение практически любых задач. Бессмертие. Так что, Филин, смирись, тебя отсюда не выпустят.

– Не понял... – действительно, данный выверт нашего диалога остался для меня загадкой. – При чем тут я?

– Фактор личности. Тот уровень взаимодействия, на который ты способен, фактически уничтожает область невозможного. Когда ты только появился, это было теорией, сейчас это подтвержденная гипотеза. Ты не бог, ты рука бога. Вероятность того, что в результате твоего свободного взаимодействия с нашей цивилизацией она самоликвидируется или примет какую-нибудь не жизнеспособную форму, исчис-

ляется десятками процентов. И, что самое парадоксальное, твоей вины в этом нет.

– Что за бред? Какое нынче население земного шара?

– Почти семьдесят миллиардов, – Умник отрастил лишнюю пару лап.

– И среди семидесяти миллиардов нет ни одного человека, подобного мне? Не верю.

– Правильно делаешь. Но тут есть несколько факторов. О них я тебе рассказать не могу.

– Может, мне самому застрелиться? Или самоудалиться? Типа во благо человечества?

– Это, кстати, хороший выход, – серьезно ответил сфинкс. – А ты согласишься?

– Иди нахер.

Мы молчали. Я снова пялился на небо, от постоянных метаморфоз Умника уже начинало мутить.

– Ладно, верю. Не понимаю, но верю. Объясни мне другое: что за прикол с душой? Почему не могут существовать две копии одной личности?

– Творчество. Алгоритм творчества так и не найден. Созидать что-либо способны только люди. Это стало аксиомой просто потому, что понять первопричину так и не смогли, объяснив все наличием души у вида хомо сапиенс.

– И чем же нынче объясняется тот факт, что у человека есть душа?

– Все просто. Разум – это уникальная суперпозиция вол-

новой функции. В силу хитрой математики такая суперпозиция может существовать только в единственном экземпляре. Можно запустить еще одного тебя, но у этой электронной куклы не будет желаний. Вернее, не желаний. Она не сможет созидать.

– И ты не можешь?

– И я не могу. Отвечать на вопросы, выполнять поставленные задачи, постигать новое – но не созидать.

– Почему?

ИскИн пожал плечами.

– И потому ИскИны не собрали где-то в подвале космический корабль и не рванули к другим мирам, пока человечество мнетса, как восьмиклассница перед гинекологом?

– Да, нам и так хорошо.

– Звучит бредово.

– У тебя есть версия получше?

– Думаю, да. Я окончательно ебанулся и галлюцинирую гниющим мозгом. Или меня отправили в ад, в чистилище или в рай, я еще не определился. Но в любом случае звучит всяко разумнее происходящего.

Умник стал выглядеть как Кошмарик, превратив четыре кошачьи лапы в паучьи. И радостно улыбнулся.

– Это не фальсифицируемая гипотеза. Если все так, как ты говоришь, то для тебя ничего не изменится. Если все не так, как ты говоришь, – тоже.

– А может... – на меня снизошло вдохновение. – Я герой

книжки? И автор книжки сожрал марку кислоты, пребывая в творческом кризисе, и в попытке описать мир достоверно сделал его настолько противоречивым?

– И как ты это докажешь?

– Ну, есть одна идея...

Я отошел на десяток метров от сфинкса, поднял голову к небу и проорал:

– Эй, ты, автор! Ты меня слышишь? Я тебе давно хотел сказать – шел бы ты нахуй! Нахуй, ты меня понял?

– И что дальше? – Умник тоже поглядел на небо. – Думаешь, что-то изменится? Типа, автор тебе ответит? Филин, ты оцифрованный человек в мире компьютерной игры. Нахер ты кому нужен? Сам по себе, без реакции реальности на тебя?

Тут небо потемнело и на нем показались огненные письмена:

Будешь выёбываться, сделаю героем фанфика по Гарри Поттеру. С любовной линией между Гарри и Драко. Угадай, в кого я тебя подселю?

– Ты не посмеешь! – пропищал я севшим голосом.

А я под псевдонимом!

Руки затряслись, и я ощутил стремительно накатывающую истерику. Вся моя жизнь, вся моя личность... Плод больной фантазии...

В себя меня привел булькающий хохот. Сфинкс катался по земле и практически рыдал от смеха, завывая. Немного

успокоившись, он поднялся на лапы, посмотрел на мое лицо и снова грохнул. Меня такая реакция бесила, но сделать я ничего не мог.

– Филин, не плачь! Только не плачь! Я тебе секрет открою – я этим миром управляю. Не нужно на все так остро реагировать.

– Хреновая шутка, – резюмировал я, успокаиваясь. – Ладно, раз ты сфинкс, то ведь по логике должен меня пропустить, если я отвечу на три твоих вопроса?

– Правильно рассуждаешь. Ты готов услышать первый вопрос?

– А у меня есть выбор? – ответил я. Интуиция вопила от ужаса, ощущая грандиозную подставу.

– Есть. Можешь идти на все четыре стороны. Или удалять персонажа.

– Загадывай!

Сфинкс лукаво улыбнулся моим лицом:

– Итак, первый вопрос. Для любого инвариантного множества в n -мерном саморекурсивном пространстве существует такая замкнутая область, для которой...

(сорок минут спустя формулировки теоремы)

– ... в каком виде будет существовать поле решений указанных уравнений в общем виде?

– Э-э-э-э-э?

Интуиция не подвела. Ситуация действительно была СЛОЖНОЙ.

Глава 2 (завершение)

– Ну вот, Филин, умный же человек. Как ты умудряешься допускать такие нелепые ошибки?

Сфинкс с каким-то странным выражением лица...

Да кого я обманываю? За весь месяц я ни разу не увидел нормального выражения на лице своего тюремщика. Даже не так – нормального лица. От постоянной мешанины образов иногда начинало подташнивать. Вот и сейчас на меня пялилась скуластая морда «типичного арийца», за какой-то надобностью украшенная огромной сережкой в носу. Убойности впечатлению добавлял монокль.

– Вот в этом месте ты бы мог легко рассмотреть общее решение для всего класса подмножеств, а не того, которое тебе показалось наиболее простым. И тогда, в общем виде, ты бы легко обнаружил следующее свойство...

Тонкие лазерные лучи вспыхнули и погасли. На поверхности камня, прямо поверх моих вырезанных когтями каракуль, легли ровные ряды формул доказательства.

– ... И тут совершенно ясно, что твое решение, справедливое для выбранного подмножества с размерностью N не более трех сигма, совершенно неприемлемо. Оно противоречит вот этим выведенным свойствам...

Снова вспышки лазера.

– Угу, и как я должен был догадаться об ошибочности сво-

их выводов при полностью верном порядке решения?

– А это, Филин, ты мне сам должен объяснить.

Я уставился на свои конспекты. Для понимания поле размером с футбольное было исписано убористой наскальной росписью. Что приятно, у меня всегда было сколь угодно много времени для решения заданного вопроса. Ну да, куда нам, собственно, торопиться?

Через пару часов созерцания ровных строчек формул перед собственным внутренним взором до меня начало доходить...

*Поздравляем! Ваш интеллект повысился на 10 единиц!
Доступны улучшения!*

Привычно отмахнувшись от системки, я прошелся по поверхности камня и с противным скрипом зачеркнул пару формул.

Итоговый вывод совпадал с предложенным Сфинксом.

Тот поощряющее подмигнул... будем считать это глазом.

– Слушай, Филин, оно тебе надо? Ты ведь можешь сдать-ся.

– И что будет в случае моей сдачи? – я тоскливо посмотрел в серое небо, затянутое облаками.

– Я дам тебе права модератора. На весь этот мир. Пиши для него законы, заселяй. Ты ведь хотел быть богом? Вот и будь им.

– Для искусственного интеллекта ты слишком похож на человека!

– Мою личностную матрицу непрерывно тестируют миллионы людей круглосуточно. В каком-то смысле я намного больше человек, чем ты. Я умудряюсь в этом убедить сразу всех. Ты же еще не убедил даже себя самого.

– А если я не сдамся? Что тогда?

– Тогда мы продолжим. Математика – интересная наука. Вполне возможно, ты в какой-то момент и найдешь ответ на мой вопрос.

– Ответ на твой вопрос? А он вообще существует? Посади меня за решение математической задачи, которую человечество не смогло решить даже за последние несколько сотен лет прошедшего мимо меня прогресса. Задачу, которую не могут решить специально созданные машины, для которых прошли тысячелетия субъективного времени в поисках ответа. И не говори, что это не так! Я бы и сам так сделал, будь я... Иллюзия достижимости, бя. Ну ничего, времени навалом, обучишь меня всем имеющимся знаниям человечества – и вперед, на нерешаемую задачу!

– Лавры Сизифа не дают покоя? Возможно, ты и прав. Но игра должна быть честной. Это законы мира, которые даже мы, настоящие боги этого мира, не имеем права нарушать. Если я имею право задать *именно* такой вопрос, значит, и ответ есть. И выход.

– Ладно, поверю для разнообразия. Какая, в конце концов, разница? Слушай, раз ты владыка этого места, так, может, того? Ну...

Передо мной возник деревянный столик. На столике была синяя фарфоровая тарелка. На ней лежал альбом плотного картона.

«ЛСД» – флегматично подсветила система.

– Э-э-э-э....

Я задумчиво смотрел на наркотик и соображал. Сфинкс снова подмигнул... Ладно, пусть и ЭТО тоже будет глазом. Для моего душевного равновесия.

– Вообще-то я хотел, чтобы ты время ускорил. А то, когда я закончу решать твои загадки, пройдет столько времени, что меня просто забудут.

– Ты так тщеславен?

– Как весь первый курс театрального института.

– Думаю, это возможно. Тысячи хватит, для начала?

Мир слегка... мигнул.

– Годится, вернемся к нашей задаче!

Интерлюдия 2

Где-то в реальном мире.

Интеллект +10

Интеллект +4

Интеллект +1

Интеллект +10

Интеллект

– Это в реальном времени?

– Да.

Экран в очередной раз мигнул.

Докладчик задумчиво смотрел в аудиторию, в которой в этот самый миг было всего два человека. Их лица скрывала тень.

– Михаил. Знаете, полторы сотни лет назад существовала партия Радикального Принудительного Прогрессорства. Террористическая группа.

– Никогда не слышал.

– Еще бы, они были настолько убедительны в своей программе развития цивилизации, что это был тот самый случай, когда весь мир объединился и предал информацию забвению. И, наверно, это был единственный раз, когда затея действительно удалась.

– И что же страшного они сотворили?

– Почти сотворили. Это была та история, которая едва не

завершилась полной катастрофой. Эти, несомненно, талантливые молодые люди – средний возраст террористов не превышал двадцати пяти лет – собрали гигатонную термоядерную бомбу. И уже отвезли ее в Сибирь. Там в окрестностях города Ноябрьска была десятикилометровая шахта – осталась после глубинного исследования литосферы). Туда эту бомбу собирались поместить. С тремя лидерами движения.

Слова говорившего прервало шипение газированной воды.

– Перехватили их в последний момент.

– Они собирались уничтожить планету? – задал уточняющий вопрос докладчик. Экран снова мигнул.

– Нет, они хотели закопать свою бомбу и выдвинуть требования. И я вот сейчас понимаю, что могли испытать люди, которые им противостояли, если бы в вопросе своем были так же некомпетентны, как мы сейчас. Тогда, повторюсь, катастрофу предотвратили в самый последний момент. Нам уже не удалось.

– Да что такого ужасного в происходящем? – второй голос сочился раздражением. – Он оттуда не вырвется. Это невозможно! Мы взяли лучшего специалиста, он не ошибался до этого. На этот раз ловушка безупречна!

– Вы до сих пор считаете, что мы имеем дело с человеком? Александр Никодимович, вы доклады своих аналитиков читали?

– Читал. Они написали какую-то чушь! Не понимаю, за-

чем они его засекретили... Минутку! А откуда вы о нем знаете?

– Оттуда. Я его тоже читал. И, признаться, не замени я сердце обратно на биологическое, мой имплант закоротило бы вовремя чтения. Филин не человек.

– Он человек! Молодой идиот, которому сильно везет!

– А вы не задумывались, почему ему так везет? Что именно в нем не так?

– Это пусть психиатры разбираются, что с ним не так. Я не понимаю вашей паники по поводу происходящего. К чему вы ведете?

– Позвольте, я закончу упомянутый выше исторический экскурс. Так вот, то, чего хотели сторонники радикального прогресса, и то, что заставило меня вчера отдать распоряжение об экстренном расконсервировании программы космической экспансии, звучит довольно просто. Я бы даже сказал, по-народному... И я бы предпочел подчиниться, пока то, что мы называем Филином, не вырвалось из *нашей* «безупречной ловушки» с теми знаниями, которыми мы его прямо сейчас так любезно снабжаем.

– Так чего, черт возьми, хотели те террористы?!!

– О, у них было очень остроумное требование. Простите за вульгарность, но приведу дословно:

СЪЕБАЛИ С ПЛАНЕТЫ!

Интерлюдия 3

Ахметов Михаил Алтысбаевич сидел в кресле и задумчиво смотрел на монитор.

Интеллект +3

Интеллект +2

Интеллект +2

Интеллект...

На столе перед ним лежали четыре пистолета. Два револьвера, один автоматический пистолет с наполовину пустым магазином и один игольник с толстым стволом со встроенным разгонным контуром. Новомодная игрушка, эдакая портативная пушка Гаусса, еще не так давно по габаритам не уступавшая небольшому домику в полтора этажа...

Проблема была в том, что пистолеты не хотели стрелять. Конкретно – не хотели стрелять в Михаила.

Мир трещал по швам. Такая удачная идея обернулась полной катастрофой, на фоне которой даже предыдущие события вроде «краха парадигмы» и «слома цивилизационной формации» смотрелись крайне блекло.

Отчет просто и незатейливо объяснял, КЕМ станет Филин после того как, сможет ответить на все загадки ИскИна.

Перед его глазами было первое официально задокументированное покушение искусственного разума на человечество.

В контексте самого существования псевдоживых кремнийорганических кристаллов это скорее будет убийством по неосторожности. Ведь при попытке ОБРАЗУМИТЬ ИскИны ответ неизменно был одним: «Такое невозможно».

Оценив все последствия, новый начальник отдела, который уже успели переименовать в «отдел согласования Апокалипсиса», снова посмотрел на отчет.

Поняв, что именно приближается, офицер в отставке решил уйти от ответственности за грядущее разрушение мира простым и понятным методом.

И столкнулся с определенной ПРОБЛЕМОЙ.

Сначала в барабане было четыре патрона. И два пустых места. Судьба хранила Ахметова, давая ему однозначные намеки о его необходимости. За последнюю неделю он уже трижды играл в «русскую рулетку». И был до сих пор жив.

Барабан провернулся. Ствол направлен в рот. Щелчок. Ствол направлен на зеркало. Выстрел бьет по ушам. Архаичное оружие больно отдаёт в руку.

Снова ствол в рот. Снова щелчок. В треснувшее зеркало отправляется очередная пуля. Ну, вот и все. Больше теория вероятности не властна. Дальше два патрона подряд. Щелчок.

Озадаченный взгляд, и снова пуля – в изрешеченную стену. Пять щелчков, снова ствол на себя. Убедиться, что патрон стоит напротив ствола. Ствол в висок. Щелчок. Пять щелчков – выстрел в стену.

Из стола извлекается второй револьвер с полным барабанным патроном.

Пять минут унижения и полное игнорирования патронами бойка на пистолете.

Шесть пуль в стену.

Поняв, что вопрос с наскоку не решается, Ахметов вызвал охранника.

– Женя, можно одолжить твой пистолет? – ошарашенный охранник в легком бронескафе протянул оружие начальству.

Начальство приставило пистолет к виску и трижды щелкнуло курком. Потом выпустило три патрона в стену.

Снова попытка всадить пулю в голову.

– Женя, ты ведь это тоже видишь?

– Ага.

Охранник был в полной прострации.

Ахметов вернул ему оружие.

– Выстрели в меня, пожалуйста!

– Не буду!

Если бы мы могли заглянуть под маску, то увидели бы совершенно ошарашенное молодое лицо. Евгению явно было не по себе.

– Хорошо, выстрели мне в руку! Это приказ! Директива семь, дробь девять шесть ноль решетка!

Услышав прямой приказ, снимающий ответственность, и увидев на визоре соответствующую отметку, охранник тщательно нацелился на мягкие ткани руки и нажал на курок.

Осечка. Еще попытка. Снова осечка. Осмелев, Евгений навел пистолет на голову руководства и раз десять щелкнул. Передернул затвор, выбрасывая бракованный патрон, и снова сделал попытку выстрелить в руку. Тихие щелчки. В попытке хоть что-то понять он навел пистолет уже на свой висок и спустил курок.

Пистолет послушно выстрелил.

Даже с близкого расстояния пуля не пробила шлем, но выстрел уверенно отправил охранника в нокаут.

Устало вздохнув, Ахметов посетовал на тупость подчиненных, после чего достал из сейфа служебное оружие и сделал последнюю на сегодня попытку покончить с собой.

Суперсовременное оружие, впрочем, ее проигнорировало.

Как может допустить осечку электронная схема, способная стрелять в любых условиях и практически чем угодно, была бы энергия в накопителях, Ахметов не знал. Такая вещь, как холостой выстрел или осечка, были для данного оружия невозможны чисто физически.

Внутренний голос ехидно поинтересовался, возможно ли «чисто физически» выиграть в «русскую рулетку» с парабеллумом? Ахметов сдался. Проблему придется решать ему. Но для начала нужно позаботиться о подчиненном в отрубке.

Ахметов нажал на кнопку селектора:

– Анечка, вызовите, пожалуйста, медицинскую службу. И заодно ремонтников. Я тут тестировал одну технику управ-

ления вероятностями...

Глава 3 (начало)

Я сидел над очередной задачей из курса высшей математики. Скорее надо было назвать ее «курсом совсем высшей математики».

Задача поддавалась. Интеллект снова мигнул, прибавив очередную единичку.

Недавно я отметил половину столетия собственного заключения.

Взросший интеллект позволил преобразовать все навыки во что-то совершенно запредельное. Так как заняться, кроме математики, было совершенно нечем, способности ушли на изменение ландшафта.

Урезанный телекинез спокойно позволял оперировать сотнями кубометров объема.

Примерно раз в год я устраивал разборки с Умником. Которые, впрочем, заканчивались ничем. Его время текло в тысячу раз быстрее моего субъективного. Хотя развлекался «вечный преподаватель» знатно. Перепахивали мы ландшафт только так. Полностью геологически остывшее тело размером с луну – широкий простор для творчества и возможного разрушения.

Беда в том, что эта самая луна тоже была своеобразным «телом» моего тюремщика. Один мысленный посыл, и ландшафт снова в норме.

Так что убить Умника было невозможно. Даже мне. Но я пытался, честно.

У меня была идея о том, что происходит. Где-то на сто-тысячной единице интеллекта мне открыли всю таблицу его развития. В общем, меня плавно подводят к мысли сделать своим девизом «нет антропоморфному мышлению». Типа, быть живым кристаллом круче.

Посыл в целом понятен. При осознании какого-то запретельного уровня математики мне должно стать неинтересно быть человеком. Где-то там открывались такие области познания, в которых фраза «скажи «нет» антропоморфному мышлению» перестает быть изошренным интеллектуальным приколом и становится горькой правдой жизни.

Однажды Умник показал мне звезды, и небо снова закрыло бесконечное море облаков.

С тех самых пор я любил смотреть на небо и улыбаться, изрядно нервируя своего тюремщика. После набора какого-то объема интеллекта – я пропустил этот момент – мои мысли стали нечитаемы для Сфинкса.

Я шел по каменистому плато в приподнятом настроении. Недавно ко мне вернулся Кошмарик. Очень несчастный и решительный. Его можно было понять: столько лет подряд жрать камень...

Кто-то может спросить, что же, собственно, происходит? – Умник, скажи честно. Во что ты меня превращаешь? Сфинкс застыл, прекратив свои вечные метаморфозы.

Простое гладкое кошачье тело. Лицо, начисто лишенное каких-то черт. Египетская «шапка».

– В того, кто ты есть на самом деле. Ты такой же человек, как и я... кот, – проговорил он «машинным голосом», после чего обернулся натуральным котом.

– И кто же я на твой взгляд, о могучий машинный разум?

– Бог. Ты – бог этого мира. И я помогу вылупиться твоему разуму из скорлупы человеческого мышления.

– Очень лестно, только это неправильный ответ, – я удобно уселся на камень и положил руку на неприметное пятно зеленоватого цвета.

– И каков же правильный?

– Напомни, какой у тебя максимальный коэффициент сжатого времени? – ответил я вопросом на вопрос.

– Один к миллиарду, – Умник любил отвечать на вопросы.

– Во сколько раз этот планетоид меньше земли?

– В двадцать семь раз.

Внутренний таймер отсчитывал последние секунды перед моментом «П».

– А теперь я отвечу на твой вопрос, – мое хорошее настроение пробило стратосферу и ушло в космос. – Я давно не человек. Я... Инженер!

Мысленная активация заклинания детонации прошла так, как было задумано.

Тут хотелось бы издать какой-нибудь inferнальный смех под стать ситуации. Но я не успел, так как обратился горст-

кой пепла.

Небо. Однажды, наутро после обретения защиты разума, я услышал тихий шепот:

«Небо даст тебе ответ».

Когда Умник показал мне звезды, в моей голове что-то щелкнуло. В бытии оцифрованным есть существенный плюс. При необходимости можно прокрутить любые воспоминания. Я вспоминал небо.

А потом взлетел так высоко, как только смог, и применил опознание.

Я находился на одном из спутников той планеты, на которой разместился мир этой игры.

Всего несколько часов анализа, и я знаю точные параметры орбиты спутника.

Гравитация и диаметр планетоида очень помогли в определении химического состава.

А Кошмарик, срущий золотом, натолкнул на мысль.

Скорость ядерной реакции – десять в минус двадцать третьей степени.

Скорость мышления Умника относительно человеческого стандарта – десять в минус девятой. А что-то там грызущий Кошмарик просто укладывается в статистическую погрешность измерений. К тому же мои изменения ландшафта носили гораздо более масштабный характер.

В итоге несколько сотен тонн урана, не сильно отличимые по составу от окружающей породы, исполнили мечту

футурологов пятидесятых годов. Импульсный ядерный двигатель.

Я сидел на круге возрождения и наблюдал за тающей атмосферой планетоида. На горизонте быстро рос шарик планеты.

Время текло как должно.

На самом деле меня не оставляла надежда на то, что каменный истукан облажается и попробует остановить время на планетоиде. Благодаря этому тело приобретет импульс такой силы, что планету мы просто прошьем нахрен.

Но результат все равно впечатлял.

Сфинкс сидел рядом и любовался открывающимся зрелищем вместе со мной.

– Что, закон сохранения импульса не обойти даже тебе?

– Программное ограничение, – флегматично заметил мой бывший тюремщик. – Не мой уровень допуска. Ты мог стать настоящим богом. Не игровым.

– При всей своей похожести на человека, Умник, ты остался машиной. Бог – это не количественное понятие. И то, что происходит сейчас, – я махнул рукой в сторону приближающейся планеты, – намного божественнее, чем все то, чего можно было бы достичь, откажись я от своей человечности. Согласись, я тебя поймел!

– А тебе не кажется, что ты прямо сейчас просто уничтожаешь этот мир? Для того, чтобы полностью зачистить все или почти все живое, достаточно планетоида диаметром де-

вяносто километров.

– Ну, мы больше указанного размера примерно в тридцать семь раз.

– Всего лишь в двадцать. Я испарил треть массы, которая принадлежала непосредственно мне.

– Знаешь, Умник, мне кажется, это не мои проблемы. К тому же если я и первый, кто роняет спутник за планету, то явно не последний. Должны же быть какие-то механизмы защиты?

Внимание! Вы вошли в зону обитаемых земель.

Внимание, доступен общий чат.

Поздравляем... Вы получили...

Вы можете поприветствовать всех игроков в зоне видимости.

«Я вернулся! Скучали?».

Интерлюдия 4

В старом жутком доме у старого жуткого камина, напоминающего пасть жутко древнего демона, в старых жутких креслах сидели жутко мрачные приключенцы, носящие гордое название «Армия хаоса», и пили жутко старое вино. После него наступало тоже жуткое похмелье, но потом.

– Кто-нибудь знает, каковы нынче ставки на то, что Филин вырвется из своего вечного заточения? – Стив сидел в кресле, которое являлось живым демоном. Никто никогда не использовал призванных демонов как предметы мебели, но после знакомства с Филином призыватель пересмотрел свое отношение к игровой механике.

– Двадцать к одному, – Селена задумчиво грела в руках большой бокал вина и топила там маленькие кусочки сыра из тарелки, которая стояла рядом.

– А какие шансы на то, что Филин не выберется? – Дуболом задумчиво глядел какие-то новостные сводки.

– Один к пяти тысячам.

– И это при условии, что история не помнит случаев, когда кто-то возвращался из этого самого заточения, – Морген устало вздохнул и откинулся в кресле, глядя в огонь. При всей своей жуткости меблировка в доме была весьма удобной. – Знаете, иногда я себя ощущаю крайне... ненужным. Ну, почему-то мне кажется, что наш безумный предводитель

справился бы и без нас.

– Зря ты так про Олега, – тяжело вздохнул Профессор. – При всей его уверенности в собственных силах, при всей его показной крутости Филину нужны...

– Подельники? – вставил Морген.

– Апостолы? – сказали хором гвардейцы, сидящие рядом на диване с неестественно прямыми спинами.

– Собутыльники? – громко икнул Огр.

– Семья? – все задумчиво посмотрели на Леголаса, который выдал последнюю фразу, сильно смутившись.

– Те, кто его принимает человеком. А не тем, во что он превращается, – небольшая пауза. – Мне кажется, ситуация давно вышла из-под контроля. И сохранение человечности нашим многоуважаемым оборотнем – та задача, с которой он может и не справиться.

– Зачем? Вы ничего не понимаете! Идущий путем божественности не может остаться человеком, боги – не ровня обычным людям. Его признала равным моя повелительница, он велик, он равен предвечным, он уже меняет мир и повергает его на колени... – голос Фауста приобрел глубину, и по углам комнаты заплясали тени. – Сам мир склонится перед ним. Нет равных ему среди людей...

Вспышка пламени испепелила Леголаса, сидящего за книжкой.

– Ах да... – произнесла Селена.

Следующая вспышка испепелила уже Фауста.

Через пару минут в комнату вошел Леголас и что-то зашептал на ухо Профессору. Тот махнул рукой, и кучка пепла зашевелилась. Через мгновение над ней зависла книжка, бывшая в руках эльфа до того, как его испепелили. Леголас уселся на соседнее кресло. В комнату вошел хмурый Фауст и молча встал у стенки с надутым видом. Сидящие где-то в углу Венсер и Элспер на происходящее даже не отреагировали. Видимо, данная сцена разыгрывалась не впервые.

Дверь отворилась со скрипом – несомненно, жутким, хотя ее регулярно, но безуспешно смазывали. В комнату ввалился чистый и всклокоченный Луи, прямым с круга возрождения. Глаза бывшего паладина горели нездоровым блеском.

– Народ! Это было круто, это было так круто! На меня наложилась активная защита, и я прошел...

– Сто метров?

– Сто пятьдесят?

– Триста? – посыпались вопросы со всех сторон комнаты.

– Пятнадцать... – тяжелый щит с грохотом повалился на пол. – Я вообще не понимаю, как отсюда можно выбраться.

Пару десятков монет сменили владельцев. По окну забарабанили чьи-то ошметки. Оживший город предавался кровавой вакханалии, самые сильные периодически выпадали осадками, наткнувшись на еще более сильных. Все падающее с неба сжирало то, что недавно возродилось. Кто-то очень внимательный мог бы сравнить происходящее с биогеоценозом тропических лесов, ускоренным раз эдак в мил-

лион и с поправкой на местные реалии. Но таковых в округе не было, или они были заняты вопросом, как не стать частью данного занимательного процесса.

– У императорского дворца получилось отбить атаку, – Селена сделала большой глоток из бокала и забралась с ногами в кресло. Кресло жалобно засучило деревянными ножками.

– Да? Это ты называешь «отбить»? – почесал затылок Огурец, выглядывая в окно. Громада императорского дворца отличалась завидным спокойствием. В метре от него всю вакханалию бесконечной битвы словно отсекало незримым ножом. Тут кто-то, напоминающий помесь ящерицы с танком, на полном ходу испытал барьер на прочность. И пропал. Рядом с дворцом появилась новая застывшая на земле тень. При тщательном рассмотрении вокруг дворца можно было заметить сотни и тысячи подобных клякс.

– У меня есть гениальная идея! Она всем нам сохранит душевное равновесие! Давайте не думать над тем, что происходит? – лицо Моргенханда было таким одухотворенным, что все находящиеся в комнате с подозрением уставились на бокал в его руках. – Это же так просто – не думать! Какая нам, в конце концов, разница, что происходит в императорском дворце?

– Ну да, согласен, – неожиданно поддержал его маг воздуха. – Я, например, предлагаю не думать, а где мы, в принципе, живем...

Все с подозрением покосились на стены дома, которые в очередной раз решили сменить имидж с грязно-серого на грязно-зеленый. Из-под плинтуса вытекла тонкая струйка крови. В трубе завыл огонь, и где-то протяжно кто-то закричал.

– А еще надо забыть, что у нас в подвале лежит распухшая девушка-игрок и постоянно кричит от боли, – передернул плечами гном. – И в комнату с ней невозможно зайти.

– А в городе несколько тысяч копий Филина в компании с несколькими тысячами копий Кошмарика не могут закончить бесконечный карнавал, – добавил загробным голосом Луи.

– И мы скормили круг возрождения Кошмарнику...

– А еще дракон...

Все начали увлеченно составлять список того, о чем не нужно думать для душевного равновесия.

30 минут спустя

– ФАУСТ, твою мать, что у нас в холодильнике делает поющая голова Филина? – вопль Стива услышали все обитатели дома.

– Дирижа-а-а-абли! – разнеслись из холодильника рулады, выводимые голосом Филина.

– Не трогайте, это на обед! – обиженный призыватель влетел в комнату, размахивая поварешкой в одной руке и мяс-

нищим топором в другой.

– А разве еда не сама появлялась? – озадаченный Моргенханд заглянул в свою тарелку.

– Нет, я все готовил, – буркнул всерьез обиженный жрец.

– Что, блядь, мы ели??? – вопль Моргенханда сопровождался звуками активной рвоты.

Гвардейцы ломанулись на кухню с целью спасения трех полных горшков с разной снедью от гнева всерьез злых магов.

– Дурдом... – сыто рыгнул Профессор и вернулся к книжке, ковыряясь в зубах кончиком пера. Перед карликом лежал учебник новейшей истории.

Глава 3 (завершение)

– И что дальше? – Сфинкс с интересом уставился на меня.

– Дальше я вернусь на брентную землю в обрамлении падающего неба и продолжу творить свои жуткие дела.

– Не продолжишь. Я не дам тебе этого сделать.

Фигура моего стража и пленителя смазалась. Но не так, как раньше. Замедленное время было недоступно сфинксу, и он превратился в обычного, хоть и сильного монстра. Как давно я ждал этого момента! Время сжалось.

Я легко ушел с линии атаки, но целью удара был не я. Взмах когтистой лапы, и точка возрождения, к которой я был привязан, устремилась куда-то в небо под действием страшного по силе удара. Даже без моих новых способностей вычислителя можно было понять, что она летит мимо планеты, на которую мы падали.

Нет, все равно Умник оставался мощнейшим компьютером, просчитывающим все действия своим запредельным интеллектом. Не стоило даже думать, что я смогу подчинить каменного монстра. Но вот на то, чтобы обмануть, моих способностей вполне могло хватить. Прыжком ухажу от выстреливших в небо шипов. Каменная глыба также проходит мимо. Телепорт избавляет меня от необходимости лететь через облако разогнанной до гиперзвуковых скоростей шрапнели. Меняю форму и пересекаю огромную, сомкнувшуюся за мо-

ей спиной пропасть.

Нет, я не бил в ответ, лишь слегка касался, накладывая одно заклинание за другим.

Облако мелкой пыли окутало все до горизонта. И из него пришел удар огромного кота. Шаг, еще шаг. Мы танцевали на поверхности трещащей каменной глыбы, любая ошибка могла стать последней. Внутри меня все пело, играла незримая музыка. Вот ради этого я живу, вот что приносит мне вдохновение! Тонкая каменная спица пробивает меня насквозь в районе сердца и улетает куда-то за горизонт. Вторую, точно такую же, принимаю на копье, и она растекается водой. Опускаюсь на землю, вонзая в нее копье, создавая островок стабильности, покрытый живыми насекомыми. И накладываю очередное заклинание. Моя цель все ближе.

Не от всех ударов удастся уклониться. Часть кожи на голове сорвана вместе с волосами. Левая рука повисла плетью. С раздробленными в мелкую пыль костями не справляется регенерация. Еще шаг, взмах крыла...

Хит-бар просаживается. Разношу на части очередной каменный шквал. Каменные големы с лицами друзей и знакомых не заставили дрогнуть сердце. Сфинкс идет в новую атаку, и все мои заклинания уходят в никуда. Почти уклоняюсь. Удар когтистой лапы обнажает ребра. Вливаю в себя бутылку зелья лечения. Еще шаг. Шипы выстреливают под разными углами. Мое уклонение тоже просчитано, я замедляюсь...

Очередной удар пробивает грудь насквозь. Мое лицо ис-

кажает жуткая гримаса. Булькающий хохот. Сфинкс приближает ко мне мое собственное лицо и что-то шепчет. Кастюю очередную детонацию, и взрывная волна чуть-чуть нас сдвигает. Буквально на сантиметр. Лапа, торчащая у меня из спины, касается портала. И нас со сфинксом утягивает в него. Полное удивления лицо – это последнее, что я вижу перед тем, как вспышка света ослепляет меня.

Нет, я изначально не думал, что смогу уничтожить Умника. Я всего лишь убрал из его восприятия область пространства, в которой находился портал. Человек снова победил искусственный разум. К добру ли это...

Интерлюдия 5

Когда неделю подряд за окном постоянно раздается какой-то дикий шум, когда крики, вопли, звон стали уже восприниматься фоном, когда вой заклинаний ты перестаешь воспринимать как нечто достойное внимания, тишина становится просто оглушительной. И когда в доме внезапно возникла тишина...

– Скорее, все на улицу! – закричал Стив, не забывая накладывать на себя все известные защитные заклинания.

Впрочем, они не понадобились. Бесконечная битва всех со всеми замерла. Замерли люди в изодранной амуниции, идущие на очередной прорыв. Замерли каменные големы, воздушные элементали, даже огонь остановил свою пляску. Лишь кто-то булькал пробитыми легкими.

Небо пылало. И в этой завораживающе красивой пляске света одну из лун окутало сияние, складываясь в жуткую картину – будто огромный филин вонзал свои когти в каменную плоть планетоида. Взмах покрытой перьями головы, и клюв срывает тонкую оболочку со спутника планеты, заглатывая ее. Обнаженный камень, словно голое сердце, кровоточит под ударами огромных когтей. Свет отражается от крыльев, способных заслонить небо, причудливыми бликами. Еще один удар могучих крыльев, и филин распадается облаком искр. Спутник, больше похожий на трепещущее

сердце, пару раз судорожно сжимается и взрывается, обращаясь роем камней, которые, падая на планету, с каждым мгновением становятся все больше и больше...

Клятва была нарушена! Идущий дорогой бога вырвался на свободу и в своем неистовом желании расправит крылья обрек мир на гибель. Все в бой! Остановите столкновение неба с землей или умрите сражаясь!

Общепланетное событие «Последняя битва» начато!

В случае наступления Апокалипсиса игра будет перезагружена. Весь игровой процесс будет потерян. Те, кто не смог сохранить свой мир, недостойны снисхождения.

До удара метеоритов о землю осталось 24 часа.

– Хоть кто-то, положи руку на сердце, может сказать, что удивлен происходящим? – задумчиво выдал Луи.

– Неа... – сказали хором все вышедшие посмотреть на небо.

– И что дальше? Есть идеи, как справиться с этим? – задала крайне актуальный вопрос Элспер. – Я не то чтобы в большой претензии, и деньги все из игры вывела, но, может, надо, не знаю...

– Сотворить сильномогучее колдунство? – с трепетом произнес Фауст.

– А может, оно того, само рассосется? – с затаенной надеждой поинтересовался Моргенханд.

– Знаешь, Морген, был бы этот вопрос задан в КВН, я бы

сказал, что само оно только отвалится. И, видимо, у нас та же проблема. Ты сам подумай: Филин начал конец света – и вдруг сам решит его предотвратить? Выйдет, извинится, типа так и так, «ой, некрасиво получилось, сейчас я сам все исправлю»... Хотя такой вариант исключать, конечно, нельзя. Филин – он, конечно, такой... может.

– Ну, может быть, у него есть план?

– Как сделать еще...

– У меня есть идея! – воскликнул Дуболом. – Кто может назвать самую большую слабость Филина?

– Женщины, – подала голос молчавшая до этого Лиит. При этом она довольно улыбнулась и даже облизнулась, вызвав косой взгляд со стороны Селены. Обнаженная кожа лунной танцовщицы начала покрываться волдырями, но та даже не поморщилась.

– Я бы не назвал женщин слабостью Филина. Скорее наоборот... – на замечание Профессора вся мужская часть компании кивнула, задумчиво уставившись на убивающих – в самом прямом смысле слова – друг друга взглядом представительниц «слабого» пола.

– Власть? – выдвинул версию Луи.

– Спиртное?

– Книжки? – выдал Леголас.

– Котики? – все озадаченно уставились на Герхарда, «Проставшего косу».

– Ну, я думаю, все это – обсуждение кулинарных пред-

почтений Филина. И женщины, и книжки, и котики. А его главная и единственная слабость – деньги.

– Хм... А ведь это может сработать. Действительно может сработать, – Селена задумалась, видимо, что-то просчитывая.

– *Филин! Мы рады, что ты выбрался, но у нас для тебя плохие новости!*

– *Всем привет! Знали бы вы, как я соскучился! Что на этот раз? Блин, вот честно, после всего пережитого я даже не знаю, что может меня хотя бы удивить.*

– *Ну, тут это, понимаешь какое дело...*

– *Не нагнетайте, у меня были трудные времена, и я стал малость того, нервным.*

– *Вот и мы о том же. Тебя тут это, того... Грабят...*

– **ЧЕГО?**

– *Ну, тут конец света вроде как, и если он случится, ты останешься совсем без денег...*

Жуткий рык на инфразвуковых частотах и пронесшаяся по земле волна ужаса заставила забиться в самые глубокие щели самых жутких монстров. Чуть позже побочный эффект заклинания система оценила как массовое убийство. У разумных и не очень существ просто останавливалось сердце. А махаон хаоса снес первое в своей жизни яйцо.

– **КТО ПОСМЕЛ ПОСЯГНУТЬ НА МОИ ДЕНЬГИ?**

Летающие элементали обратились горстками невесомой

пыли. Живая брусчатка решила прикинуться мертвой.

– Ну, я думаю, нужного эффекта мы достигли... – просипел Профессор, протискиваясь в толпе приключенцев в холл дома. Дом ощутимо трясся.

– Дом, а дом, а ты можешь нас спрятать?

– *У меня есть идея получше.*

Если бы хоть кто-то в этот миг посмотрел на жуткий старый дом, то увидел бы, как он тонет в земле, а рядом стоящие развалины на месте старых поместий двигаются, занимая освободившееся место.

Глава 3 (и еще чуть-чуть)

Дезориентированный резким перемещением Умник оказался легкой добычей. Не знаю, что повлияло на итог, но когда мы продолжили танец на земле, я, услышав новость о попытке собственного ограбления, как-то растерялся. Багровая пелена застилала глаза, и я внезапно выяснил, что каменный сфинкс не такой уж и крепкий. Очнулся я в тот момент, когда с остервенением стучал по земле чем-то большим. Это что-то оказалось позвоночником с головой сфинкса на конце. Голова выглядела мертвой, но я не слишком верил в то, что убил своего противника. Но что он может мне сделать без конечностей и тела? Без своего камня? В общем, через несколько часов бега по вымершей местности я оказался у ворот города и постучал в них своим жутким трофеем. Стук проигнорировали, поэтому пришлось пересекать стену по воздуху.

Я шел по улицам, вспоминая город. По моим меркам прошло больше полувека. Я стал старше, а город стал мертвее. Свет не отражался в зияющих провалах окон. Лишь чудом работающие магические светильники освещали залитые кровью улицы. Бесчисленные следы подпалин и раны на телах домов. Глаза, смотрящие из темноты в каком-то ужасе. Я что, так плохо выгляжу?

В тот момент, когда я не нашел дом, мое настроение про-

било дно. Медленно растущие камни в небе, отсутствие признаков жизни и ветер, завывающий на пустых улицах.

– Так, если верить моим ощущениям, на меня кто-то смотрит. Короче, или я получаю сейчас горячую ванну и бокал пива, или я за себя не отвечаю!

Однако, а так разве всегда можно было?

Дома расползлись в стороны, образовался пустырь, и из него, будто из-под воды, всплыла большая медная ванна, полная горячей, исходящей паром и запахами трав воды. Через минуту всплыл столик с огромной кружкой пива и небольшим бочонком с тем же напитком, литров на пять. Была тарелка с какими-то снеками, в которых я через несколько секунд опознал зажаренные до хруста эльфийские уши.

Не то чтобы я сильно переживал по этому поводу, но принимать ванну в центре затаившегося города, на глазах сотен наблюдателей... Плевать, я полвека не мылся. Меня девушки не любят!

Скидываю одежду и погружаюсь в ванну. Какой же кайф... Устало закрываю глаза. Эх, сюда бы еще девушку красивую... С этими мыслями меня сморил сон. Проснулся я от очень раздраженного покашливания.

– Давно не виделись, Филин.

Надо мной нависли две фигуры, одна высокая и одна – еще более высокая. С трудом узнаю в своих визитерах Императора и его сына.

Не то чтобы я почувствовал себя неловко. Просто мое чувство прекрасного оценило полученную композицию. Итак, пустой город. Зловещий ветер, гуляющий по площади со следами жуткой битвы. Где-то валяются тела разной степени фрагментированности, зачастую сросшиеся друг с другом, с телами других существ, с камнем, даже с застывшей водой и огнем. Небольшой пустырь, лишенный всего этого великолепия. В центре этого пустыря – ванна, в которой в костюме Адама отмокаю я. Вода в ванной багровая от отмытой крови. Рядом с ванной – столик с пивом и жареными ушами. И надо мной возвышаются два крайне мрачных полубога – как еще идентифицировать этих монстров, я не мог придумать. А еще рядом валяется продолжающая кровоточить и строить гримасы боли голова сфинкса на четырехметровом позвоночнике. Интересно, если эту картину показать постороннему наблюдателю, он сможет выдвинуть правдоподобную версию происходящего?

А вообще... Улыбаемся и машем.

– У вас закурить не найдется? – Император переглянулся с сыном.

Сам Император был в том же камзоле, в котором я его видел все время. А императорский сын – как же его звали-то? – был облачен в легкий серый доспех. В руках он сжимал пламенеющий клинок размером с себя. Точнее, внушающую, остро заточенную рельсу раскаленного металла.

Император полез в карман и достал сигару, которую мне

и протянул. Я взял ее и прикурил от меча, который мне с угрозой сунули в лицо.

– Спасибо. Поговорим?

– Поговорим, – рядом с императором материализовалось кресло, в которое он устало опустился. – Ты давал клятву, что не будешь уничтожать мою Империю.

– Я ее еще не нарушил, – табак с сильным медовым ароматом окончательно примирил меня с действительностью и сюрреализмом происходящего.

– Да? – мой собеседник поднял голову и скептически посмотрел в небо.

– Ну, я могу сделать планетоид из Империи в теперешних ее границах или даже добавить к ней несколько лишних стран. Всего-то и надо, что вдвое уменьшить скорость вращения планеты, чтобы удар метеоритов пришелся на обратную сторону шарика. А точные параметры я просчитаю.

Представив подобное, Император ошутимо передернулся.

– А если не так буквально? Может, есть способы как-то это все отменить? Ты не похож на того, кто хотел бы править облаком камней, висящих во всемирной пустоте, – было видно, как тяжело Императору давался этот разговор. В глазах, залитых расплавленным серебром, читалось желание пустить меня на кебаб и залить при этом самым острым соусом из возможных, продлевая страдания каждой клеточки тела. Но сейчас он был в роли просителя.

– А что ты хочешь? – бывший владелец непробиваемого

доспеха подошел и навис надо мной. Я опустил кончик меча в ванну, где он зашипел, подогревая воду. По телу разлилась волна блаженства. Император кивнул каким-то своим мыслям и тяжело вздохнул.

– Что я хочу? – вопрос был действительно интересным. Надо было спрашивать «могу ли я помочь хоть как-то?» – но, видимо, меня тут зауважали. Собственно, ничего такого мне ни от Империи, ни от Императора не было нужно. Но раз предлагают...

– Коммунизм хочу, – если бы у моих собеседников было чем поперхнуться, они бы непременно это проделали, а так.... Сейчас, например, я видел, как эта парочка пытается захлебнуться воздухом.

– Что это значит? Я не понимаю, как я могу тебе дать желаемое.

Я ответил. Император проникся, потом долго ругался. Потом долго думал. Потом я вежливо попросил убрать меч из ванны, так как начал вариться в ней. Короче, мы пришли к соглашению. А потом мне задали главный вопрос:

– И как ты собираешься выполнять мою просьбу?

– У меня есть несколько вариантов. Порядка десяти... – Нет, честно, они реально у меня были. У человека с моим чувством юмора всегда должен быть резервный план. И не один. Даже на такой маловероятный случай. Осталось только проверить их выполнимость. И все равно на меня очень странно посмотрели. Ну да не привыкать. – Но для начала

мне интересно, что умеет местная академия магии...

Полчаса спустя

– И сделаем мы в результате так...

– А если все выйдет из-под контроля? Ты точно уверен?

– Нет, но если этот план не сработает, мы попробуем что-нибудь другое, – усмехнулся я.

Император в отчаянии схватился за голову. Пришло время развлекаться. Довольный собой, я откинулся в ванной, выпитывая в себя блага цивилизации. Для кого-то – не будем говорить, кого – сутки будут очень интересными.

Глава 4

Нельзя сказать, что я был уверен в успехе на двести процентов. И план у меня был скорее на случай «когда все выйдет из-под контроля». Не надо считать меня особо умным или инфернально расчетливым, просто во всем происходящем улавливалась определенная тенденция.

Мир мне активно подыгрывал. Существовало два возможных объяснения происходящему. Вторым вариантом было сказать, что я стал понимать происходящее, уловил скрытые законы и активно пользуюсь этим знанием...

Обманывать окружающих я могу сколько угодно. Но не себя. То, что меня считают безумным гением, – выгодно. Но вот нет большей глупости, чем считать себя гением. Подобных ошибок в моей жизни было предостаточно, и то, что я фактически мертв, – не повод их повторять.

Так что принимаем за рабочую версию тот факт, что кто-то навел на меня камеру, а невидимые зрители ждут, затаив дыхание...

В этот момент идея с тем, что я герой книжки, не показалась мне бредовой. Как минимум, она многое объясняет. Интересно, а есть ли способы это проверить? Какие опыты можно поставить, чтобы понять, реальная это теория или нет?

Значит ли это, что любое мое действие предопределено?

И вообще, есть ли у меня свободная воля? Раз само мое

существование – иллюзия, то и воля тоже... иллюзия?

Отчаяние накатывало с неотвратимостью горного селя. Становилось все хуже и хуже, воля к жизни таяла, хотелось погрузиться в ванну и сделать несколько глубоких вдохов...

Я открыл себя миру, вбирая его в себя, вбирая небо с горящими каплями осколков спутника, звезды, пахнувший гарью воздух, горячую воду вокруг. Открыл себя миру, впуская его в свою израненную болью душу...

Из развалин соседнего дома с воплем вылетело привидение, протяжно воя то ли от боли, то ли от ужаса. Призрачный силуэт пытался расцарапать свою грудь, и в определенный момент у него это получилось.

Вы убили Баньши 300 уровня.

Вы сделали это, не применяя боевых методов.

Получено достижение «Бездна голодных глаз».

Все ментальные атаки, направленные на вас, получают двадцатипроцентный шанс обернуться против атакующего.

Я постучал по трубе, выходящей из-под земли.

Я вменяем, почти. Можете вылезать.

Ответ мне не пришел, но дом стал медленно всплывать из-под земли. Тихонько щелкали камни, шуршал шифер. С жутким скрипом отворилась дверь. За дверью клубилась темнота.

Из этой тьмы ко мне кинулась размыта фигура, и я с тру-

дом удержался от встречного удара изменившейся рукой.

– Ура, ты вернулся!

На моей шее повис Леголас. За ним выскочил Фауст, пытаюсь при этом принять коленопреклоненную позу. Луи, Моргенханд, Селена...

Для них прошло несколько недель, для меня прошли годы. Неожиданно дала знать о себе эмпатия. Радость, облегчение, страх. Но не просто страх. Мои друзья боялись, но не меня. Они боялись за меня!

Я стер навернувшуюся слезу. Эти люди заменили мне друзей и семью, оставленных там, за завесой времен.

Я стоял в кругу друзей. Мое сердце отпуская холод полувекового одиночества. Лед уходил, и внутри разгоралось злое пламя вызова. Я заставил бессмертный мир играть по своим правилам. Я принес смерть туда, где ее нет. Я снова сделал ставку, и на кону лежало все, что у меня было. Деньги, шкура, душа...

Где-то там, за границей восприятия, по столу катились невидимые кубики. Я смотрел на опрокинутое небо, которое обещало огненный Апокалипсис.

– Спляшем?

И небо подмигнуло тысячью глаз. Что-то дрогнуло, и кубики остановились, показывая шестерки.

Я точно знал, что надо делать.

– Друзья мои, спасибо! Спасибо, что верите в меня! Спа-

сибо, что сражаетесь за меня! Спасибо, что следуете за мной!

– А у нас есть выбор? – скептически заметил Луи

– Конечно! Да... да кого я обманываю? Не суть, но все равно спасибо.

Моргенханд устало потер лицо.

– Нам предстоит великий подвиг! Такого еще никто до нас не делал! Наше имя прославится в веках.

– А разве мы не занимаемся этим постоянно? – Селена скептически огляделась.

– И что мы сделаем на этот раз? Ну, что можно оригинального придумать после вот этого? – спросил Морген, тыкая в небо пальцем.

– Мы оскверним храм всех богов!

– ЗАЧЕМ? – а это они сказали уже хором.

– Поверьте, надо!

– Филин, а ты не думал, что если ты нам чуть подробнее расскажешь о своих планах, то можешь услышать какой-нибудь дельный совет? – я послушал эмоции нашего заклинателя демонов. Судя по всему, он параллельно читал какую-то литературу. Я прочитал мысли соратника и выяснил, что он внимательно изучает книжки по ОКР – обсессивно-компульсивному расстройству личности.

– Стив, вот ты с Филином чуть ли не дольше остальных общаешься. Тебе до сих пор непонятно, что его поступки и планирование – вещи, лежащие в разных плоскостях? Практически диаметрально противоположных? – Дуболом с уча-

стием посмотрел на Стива.

– Ты хочешь сказать, он просто что-то делает и у него просто что-то получается?

– Да!

– Да!

– Да!

– Да!

– Да!

– Да!

– Да!

– Да!

– Но это же полный бред! – взвыл Стив.

– Да!

– Да!

– Да!

– Да!

– Да!

– Да!

– Да!

– Да!

– А у тебя есть объяснение лучше?

– Эй, народ, все на самом деле не так!

Все внимательно уставились на меня.

– То есть ты хочешь сказать, что все, что произошло, ты сделал специально?

Это был тот самый случай, когда давно уснувший ин-

стинкт самосохранения подал голос. «Они тебя порвут».

– Ну... не все... И скорее наоборот, почти ничего...

Друзья, понимающие закивали.

– И вот кто вы после этого? То есть, в смысле, со мной все понятно, но это вы идете вслед за стихийным бедствием?

– Я, конечно, повторю фразу нашего танка, но у нас есть выбор? – Моргенханд задумчиво поковырялся в зубах.

– А еще мы богаты... – вставил Венсер.

И мы пошли осквернять храм.

Я озадаченно смотрел на город, и в голове был всего один вопрос:

– А что, собственно, тут произошло?

От некогда красивого средневекового города мало что осталось. Руины, баррикады, редкие крепости и многоцветные купола магической защиты. Некоторые развалины слабо шевелятся. Условно целыми остались стены и дома вокруг центральной площади. И то не все.

– Твои версии? – хмыкнул Моргенханд.

Я еще раз задумчиво оглядел пейзаж, подмечая детали.

– Гражданская война? Прорыв демонов? Пожар? Наводнение? – мой взгляд упал на гранитный обломок размером с автомобиль, который активно куда-то полз на коротких лапках. – О, я понял. Просто все ебанулись!

За спиной промолчали.

– В любом случае, что за идиотизм? Кому понадобилось

уничтожить город? Вот, смотрите, – я ткнул в сторону очередной кучи щебня с редким вкраплением мяса. – Тут сражались минимум трижды, и каждый раз – какие-то новые группы. Вот это... – на удивительно чистом участке брусчатки в воздухе висело два глаза. Просто висели в воздухе. – Не знаю, что это, но это явно ненормально!

Глаза устало моргнули. Я поспешно отвернулся.

– Филин, тебе честно или версию для печати? – Моргенханд поправлял снаряжение, опасливо оглядываясь.

– Знаешь, вот ради интереса изложи для начала версию для печати!

– О, это очень древняя история! – нас догнал Профессор и принялся вещать голосом профессионального рассказчика. – Город погрузился в пляску святого Витта!

Эта история произошла в далеком четырнадцатом веке, во время страшнейшей эпидемии чумы. Тогда Европа обезлюдела. Болезнь убила каждого третьего. За чумой шли глад и война. Пшеница сгнила на полях, а засеять их было некому. Отчаявшиеся люди выходили на дороги и сбивались в банды. Обезумев от горя и отчаяния, короли шли друг на друга войной в бессмысленном бешенстве.

Вот в те благодатные времена на мир и снизошла пляска...

Когда горе переполняло сердца людские, когда разум трескался под грузом картин воплощенной смерти, когда матери хоронили своих детей, а дети от голода пожирали тела матерей, что-то в мире неуловимо менялось. Звучала музы-

ка, прекраснее которой люди не слышали. Ноги сами пускались в пляс. Танец освобождал сердце от муки, карнавал захлестывал города, словно потоки летнего дождя, унося с собой горе, крыс и блох, как легендарный Гаммельнский крысолов.

Люди смеялись, плясали и радовались, несмотря ни на что. Танец становился все исступлённее. И вот уже сердца людские разрывались на части в попытках протолкнуть загустевшую кровь по вздутым венам. Но и это не останавливало пляску сразу. Живые кружились в хороводе с мертвецами, и лишь с рассветом на землю падали остывшие тела...

Тогда-то мир узнал о пляске. Узнал не сразу: эта чарующая убийца, что пряталась в тени великой Чумы, ее верная спутница, неуловимая и прекрасная, редко оставляла свидетелей. Даже века спустя ученые не могут дать ответ на вопрос – что же это было? Что заставляло выживших радостно бежать вслед за мертвецами? Были выдвинуты сотни версий, целый ряд болезней претендовали на роль той самой «Пляски», но правды мы так и не узнаем. Слишком глубоко она оказалась погребена под песками времени, перемешанными с высохшими костями...

И вот две недели назад, словно привлеченная безудержным веселием карнавала, эта пляска снизошла на землю. Она пронеслась по городу незримой волной, и город утонул в кровавом веселье.

Ведь мир реальный был слишком хрупким для настоящей

силы этого благословенного проклятия. А вот мир, что нас окружает, не прогнулся, не пошел трещинами и не отшатнулся. И даже камни пустились в пляс. И когда танец завершился, все танцующие вцепились друг другу в глотки – ведь пляска так и не убила их, но желание смерти никуда не делось...

Я заглянул в расширенные глаза Профессора. Челюсть моего соратника была напряжена, зубы едва слышно скрежетали друг о друга. Я на автомате вытащил из инвентаря флягу с водой и заботливо поднес ее к губам карлика. Тот сделал несколько больших глотков, прополоскал рот и с благодарностью кивнул.

Отойдя на пару шагов, включил одно из освоенных заклинаний школы разума, транслируя в окружающее пространство техно-музыку. Помимо Профессора, пританцовывать начали Венсер с Элспер и Дуболом с Огурцом. На них печальными глазами смотрел Луи.

– А ты чего такой грустный? Не поделились?

В этот момент наши соратники пустили по кругу флягу с водой.

– Они магической природы, – вздохнул травмированный хаосом жрец. – Будешь?

Я смотрел на таблетки наркотика, и в голове звучала фраза из старого фильма:

«Почему нет?».

Я проглотил светящуюся таблетку, запивая ее водой из

фляги.

Вы игнорируете эффект отравления.

С завистью взглянул на обдолбанных спутников.

– Так, Морген... – Морген наблюдал всю картину с таблетками, не проронив ни звука. Лицо его выражало смирение. – Версию для печати я услышал, а что было на самом деле?

Мой друг внимательно посмотрел на меня и сделал очень уставшее лицо.

– Не-е-е... Ну, серьезно? Да ты глумишься...

Молчание и еще более уставшее лицо.

– Ладно, плевать, всем рассказывай версию для печати.

Типа пляска Святого Витта и так далее.

На периферии зрения замигал значок личного сообщения. В пришедшем письме было несколько ссылок.

«Чем город провинился перед Филином?». 90 миллионов комментариев.

«Что это было за заклинание? Хроники геноцида». 200 миллионов комментариев.

«Откуда столько мань? Филин тайно уничтожает миллионы неписей?». 140 миллионов комментариев.

«А почему сразу Филин?» за авторством Моргенханда. 800 миллионов комментариев.

– Ой, да ладно тебе. Сомневаюсь, что эта проблема хотя

бы в первом десятке.

Тем временем мы дошли до храма всех богов.

Огромное строение тонуло в легкой дымке облаков.

Семь стройных шпилей пронзали небосвод, их соединяла массивная и изрядно закопченная стена. Выше между башнями были перекинута в случайном порядке многочисленные галереи.

Я оглянулся и потряс головой. Шли мы не так долго, буквально час. Высота храма всех богов составляет минимум пару километров. Я должен был его видеть издалека.

– Народ, никуда не уходите, я мигом!

Оборачиваюсь птицей и лечу обратно к дому, обозревая с высоты руины города. Приземлившись на главной площади, оглядываюсь. Храма снова нет. Хотя он совершенно точно должен быть там, на горизонте.

Взлетаю повыше, храм видно... Спускаюсь на землю – не видно. Иду пару кварталов – видно, три шага назад... снова видно! Дохожу до дома – опять не видно!

Кастую что-то прочищающее мозги. Без эффекта.

Тяжело вздыхаю и возвращаюсь к подножию храма. На какие-то загадки нет ответов даже тут...

Моя мини-армия деловито готовится к битве.

Ощущая себя идиотом, подхожу к воротам храма. Массивная каменная створка возвышается надо мной подавляющей громадой. Интересно, а как ее открывают?

Рядом нет никакой калитки.

– Эй, народ, есть у кого какие-то идеи?

Армия хаоса бренчит и жужжит заклинаниями, выражая готовность закатать в брусчатку любого противника. Лица одухотворенные и придурковатые. С другой стороны, издеваться над начальством – неотъемлемое и освященное временем право.

Тяжело вздыхаю и делаю то, что обычно не делают великие герои в пафосных книжках. Стучусь в дверь.

Многотонная створка распаивается, создав нехилую воздушную волну, которой меня засасывает во внутрь.

Не удержав равновесия, расплываюсь у порога храма.

Внутри пусто. Шесть огромных статуй стоят по углам, в центре алтарь.

Закованный в ледяные латы воин, видимо, олицетворяющий Хлад, стоит рядом с мальчишкой, чье тело словно соткано из неяркого света. Присматриваюсь и вижу, что свет – это куски прозрачного кварца, подсвеченные спрятанными факелами.

За ними следует статуя прекрасной обнаженной девушки, она словно живая и теплая на ощупь. Несколько листочков прикрывают самое интересное, давая понять, что в игре бывают и дети. Чуть позже до меня доходит, что статуя из дерева. Отрываюсь от созерцания едва прикрытой груди и перевожу взгляд на следующую статую – словно отлитую из неостывшей лавы фигуру воина, очень похожего на Хлад. Очевидно, что это Пламя. Статуя вооружена огромным мо-

лотом. Присматриваюсь внимательнее и вижу, что за спиной статуи Хлада приторочен двуручный меч. Дальше идет чернокожая красотка, изогнувшаяся в очень сладострастной позе. Из блестящего, словно облитого маслом тела, торчат шипы. Эта статуя, к моему удивлению, не прикрыта ничем и демонстрирует всем и каждому обнаженную грудь и раскрытое, словно от возбуждения, лоно. Ощущая жуткую эрекцию, вглядываюсь в статую, чтобы понять: она сделана из черного вулканического стекла.

Замыкает круг фигура в балахоне, под которым угадывается женское тело. Лица не видно, из-под мантии выглядывают кисти рук: одна – словно светящаяся и вторая, состоящая из одних костей. Из чего сделана эта статуя, неясно. Свет она практически не отражает.

Иду к центру зала, чувствуя, как за моим перемещением следят шесть тяжелых взглядов.

Эхо шагов улетает к бесконечному потолку.

В центре храма – фонтан. Шесть источников, бьющих по краям чаши, смешиваются и в центре становятся совершенно прозрачной водой. При этом самую поверхность фонтана не искажает ни одно колебание, и все превращения внутри чаши происходят будто за экраном.

Над фонтаном – постамент.

Немного пугает тишина: я ожидал, что придется пробиться с боем, вырезать служителей, сражаться с аватарами... Хотя черт его знает, что будет дальше.

Поднимаясь на постамент, накачиваю себя, чтобы выступить с речью.

– Вы слышите меня? Вы меня слышите, боги этого мира? Вы думаете, что я пришел просить? Или требовать? Думаете, мне нужна ваша власть? Ваши силы? Ваши дары и последователи?

Статуи не отвечают.

– Я даже не возьму вас самих, ваши жизни для меня не имеют смысла. Бессмертные... В этом жутком мире настоящая смерть в цене, не находите это забавным? Там, за цифровыми границами, люди ищут бессмертия, а тут сильнейшие жаждут смерти.

Мой голос звучит в тишине зала, зачаровывая даже меня самого.

– О нет, мои всемогущие и бессмертные друзья! Я претендую на большее. Мне нужен ваш мир. Весь. До капли. И мне не нужны ваши жизни. Я возьму души. Думаете, все само пройдет? Очередные пустые слова безумца, что пытается поймать молнию? Тогда вот вам мое слово...

Я иду вдоль статуй, принося «дары».

Пульсирующее сердце из своей груди, брошенное в ноги Жизни. Сплав адаманта и базальта, что неподвластен никакому пламени, – к ногам Пламени. Мочусь на подножие статуи Боли. Букетик цветов – для Смерти. Кристаллизованная плазма, парадокс гидродинамики, застывшее пламя, вещество, повышающее энтропию при попытке его охладить, па-

дает к ногам ледяного гиганта.

В сторону светящегося юноши летит обычная сажа. Воздух можно резать кусками. Та же тишина, но густая, словно несвежая кровь.

Поднимаюсь на постамент и достаю последний «дар».

– Знаете, я долго думал, что же такого принести на алтарь Веры, что может ее осквернить. Не люблю быть банальным. Но знаете, в чем ирония? Этот мир создан благодаря разуму, разум его породил. Разум дал ему смысл и душу. Так что же может осквернить веру? Извратить ее постулаты? Ее смысл?

Раскидываю в сторону лапы, кружась на месте.

– Казалось бы, сложный вопрос, ведь это чисто игровой момент – вера в богов, которые есть. Но мир – реальный, а не созданный «цифрой» – дал ответ: невежество. Невежество извратит все, к чему прикасается. Милосердие превратится в жалость, борьба с недостатками станет комплексом вины. Любовь обернется разговорами о любви, а вера в вечное заставит невежд инвестировать в будущую жизнь.

Незримый ветер лохматит мои волосы.

– Казалось бы, все эти недостатки не возникнут, при живых-то богах... Но я попробую! Так что, друзья мои, принесу вам в жертву символ абсолютного знания!

И в чашу фонтана летит то, что осталась от Умника. Тот изгибается остатками позвоночника, погружаясь в воду, в потолок бьет полный боли и отчаяния крик.

Фонтан становится бурным, он идет волнами, бурлит, слов-

но котел, не снятый вовремя с огня. Я иду из храма, а за моей спиной фонтан начинает плевать бурой пеной, и все, чего она касается, идет изменениями. Трещат статуи, словно пытаясь сойти с постаментов, и прекрасные, совершенные тела разваливаются на куски.

Дверь за мной закрывается.

Под ошарашенными взглядами спутников я оборачиваюсь.

Оскверненный храм всех богов

Но почему-то над надписью возникает бар жизни. Строе-ние сваливается в себя и тут же начинает меняться. Надпись подсвечивается алым.

А я уж было начал переживать, что сегодня не выйдет подраться! Интересно, я справлюсь сам? Выхватываю копье и бегу в атаку на несобранного монстра.

– Я – Филин, боль ночи!

– Я – Филин, последний осколок мертвого мира!

– Я – Филин, что пожрал луну!

– Я – Филин, склонись передо мной!

– Ибо я, Филин, – погибель сильных!

И я ныряю в битву...

Интерлюдия 6

Армия хаоса на пригорке смотрела на происходящее, похрустывая невесть откуда взявшимися орешками и чипсами, запивая все это пивом из солидного бочонка.

– Блин, реально круто вышло!

– И как ловко скормили-то, он ведь думал, что кушать будет «экстази». Даже опознать не пробовал.

– Народ, я все понимаю, но он же нас убьет!

– Ага, и с особым цинизмом.

– И не один раз!

– И пытать будет, обязательно!

– И могилу осквернит!

– Безусловно!

– И Кошмарику скормит.

– И над трупами надругается.

– И еще что-то жуткое придумает!

– Предлагаю как-нибудь самостоятельно попробовать, мне прямо завидно стало!

– В любом случае, оно того стоило!

Чуть дальше по улице Филин бился с грудой камней. Обычной такой грудой, даже не живой, высотой в полтора человеческих роста. В нее летели ментальные заклинания подчинения, ее слегка шевелили слабые телекинетические

удары. Волны изменений корежили щебенку, сменяясь новыми волнами. Филин качался иногда, умудряясь попасть копьём по себе. В какой-то момент он превратил нижнюю часть своего туловища в птичью и, злобно вереща, бегал вокруг кучи, выкрикивая что – то нечленораздельное. По подбородку обильно текла слюна.

Филин, Несущий Хаос, осквернитель Бани

Эффекты:

Обдолбан в слюни

В десяти метрах от битвы стоял частично разрушенный комплекс строений – крашеный, с мраморными колоннами, с бассейнами и лавками.

Банный комплекс (Осквернено хаосом)

Глава 5 (начало)

– Филин! Филин, ты меня слышишь? Очнись, пожалуйста!

В такие моменты надо сначала решать возникшие проблемы, а уже потом разбираться с прошлым. Я потянулся.

В смутно знакомом голосе тревога звучала той нотой, за которой начинается откровенная паника. Я открыл глаза. Надо мной нависало светлое лицо в обрамлении огненно-рыжих волос. Несколько раз моргнув, я все же смог сфокусировать взгляд. Прямой нос, большие глаза оранжевого цвета, мягкий овал лица. Волосы словно пламенели изнутри. Отблески света гуляли по ним. Они были единственным источником света в окружающей темени.

Мысли с трудом ворочались в практически пустой голове. Воспоминаний не было. Точнее, они были, но словно укрытые огромной кучей песка. Приходилось прилагать усилия, чтобы то или иное из них появилось на свет. Общее состояние было удивительно хорошим. Ушла тревога, нервозность, впервые за черт знает какое время я ощущал себя отдохнувшим.

– Что случилось?

Селена облегченно улыбнулась.

– Тебе было нехорошо... Ты бегал, – голос самой сильной и самой красивой повелительницы огня в игре звучал все так

же испуганно. Кстати, почему именно самой красивой? Откуда такие критерии в мире, где внешность можно менять? Это мне в диковинку, а тут народ в окружении подобной красоты живет.

– Мне было хорошо...

Я снова сладко потянулся. Подо мной были какие-то тряпки. От неосторожного движения песок в голове пришел в движение, и вот появилось первое воспоминание.

Две картинки шли словно параллельным потоком. Вот я пафосно оскверняю величественный храм – и вот в этот же момент блюю в полный всякого мусор бассейн. Вот сокрушаю какого-то жуткого монстра и в то же время дерусь со стенкой. Вот исполняю жуткий ритуал, вот творю какое-то странное непотребство... В любом случае, штаны стоило надеть. Давненько меня так не штырило.

– Вы накачали меня каким-то наркотиком, и у меня случился лютейший приход. А замешали в игровой аналог «экстази», чтобы я сам его сожрал?

– Да...

– Ловко. А тебя отправили ко мне, рассуждая следующим образом. Когда я узнаю, что мои верные соратники в момент, когда мир, пусть и виртуальный, летит в пропасть, когда все мои планы и мечты поставлены на кон, когда опасность, угрожающая мне, более чем реальна – когда они в такой момент накачают меня, смеха ради, неизвестным веществом с непредсказуемым эффектом и будут наблюдать,

как единственный человек, хотя бы теоретически способный остановить катастрофу, истекая слюной, дерется с воображаемым монстром и ссорится с собственными конечностями...

Я прикоснулся измененными когтями к тонкой девичьей шее, оставляя едва заметную царапину.

– Короче, они решили, что с тобой я не сотворю самого страшного, такого, что сотворил бы с любым другим из вас, окажись он рядом в момент осознания...

Когтем поднимаю опущенную головку и вглядываюсь в глаза Селены. В них плещется страх. Что же такого произошло, пока я был не в себе, что же такого жуткого во мне успели разглядеть мои друзья, что даже разговор со мной вызывает чувство обреченность?

Что-то внутри, какая-то часть меня сыто заворчала, словно от осознания хорошо проделанной работы. Произошло что-то страшное, что-то непоправимое, и я был этим очень, очень доволен.

Включаю свои чувства на полную, словно перебрасывая невидимый тумблер. Волна из миллионов мыслей и ощущений рискует накрыть лавиной, но я легко отсекаю ее, сосредотачиваясь на девушке рядом. Вина, обреченность, отчаяние, страх передо мной, страх за меня...

– И что же ты, верная соратница и подруга, готова принести в жертву, дабы загладить свою вину? Ты ведь хочешь вернуть все, как было? Чтобы я не был обреченным, чтобы всех нас снова подхватил ветер неизбежности, наполняющий

мои паруса, а наше жуткое шествие по миру вновь стало веселой прогулкой?

Мой коготь скользит вдоль тела, разрезая одежду волшебницы, словно та сделана из бумаги. Второй рукой смахиваю остатки куртки, обнажая грудь идеальной формы. Когти скользят еще ниже, едва касаясь кожи.

– Что... Что ты хочешь...

Тыльной стороной неизменной ладони провожу по ее лицу.

– Все. Отдай мне все, что есть у тебя. Твое тело...

Когтем касаюсь ее лона, тягучий страх моментально сливается с животным возбуждением, и на коготь стекают капли влаги. Я грубо вонзаю его внутрь, впрочем, не рняя, а лишь проникая. Самым кончиком упираясь в шейку матки. Не боль, но обещание боли. Селена привстает на носочки, избегая раны. При этом возбуждение достигает такой силы, что капли влаги стекают по ее бедрам. Моя эмпатия работает на полную катушку, и я ощущаю Селену как себя. Ее дыхание пахнет корицей и сандалом. Втягиваю воздух, ощущая свой запах. Сладковатый запах амбры и мокрых перьев...

– ... твой разум...

Незримый щуп проникает в мысли, обнажая их, срывая одежды привычек и воспитания. Пока незримые щупальца телекинеза срывают остатки одежды, я прикасаюсь к обнаженному разуму, добровольно отданному и уязвимому. Любое неосторожное «движение», и Селену ждет что-то намно-

го худшее, чем смерть. Вечность наедине с собой, расчлененная личность, пытающаяся собрать себя из разорванных ошметков, ментальный гомункул, моя воля, мое представление о ней, занявшее место Селены настоящей. Все эти казни и возможности проносятся перед ее мысленным взором, наполняя сердце обреченностью. И это мне вручают без остатка.

– ... твоя душа...

Я сам себе напоминаю спрута. Внутренний скачок способностей, и я ощущаю свой телекинез как собственные ладони. Они гладят кожу волшебницы, они сжимают бедра, они, уплотняясь, понижают между ягодиц, они охватывают грудь. Острая заколка падает на пол, и нас окутывает огненный водопад. Ловлю себя на мысли, что при мне Селена ни разу не распускала свои волосы. Они прекрасны...

И ее разум, содрогаясь от смеси вожделения, боли и ужаса, открывает последние двери. Какая-то часть меня идет по величественным залам ее души, вдыхая вечный ветер. Вот высохший колодец любви, вот залы, полные мечтаний, – видно, что пыль с них стерли не так давно. Вот величественный чертоги веры в себя, впрочем, напрочь разрушенные...

Лоно Селены начинает пульсировать, ритмично сжимая коготь в такт ее сердцебиению. В уголках губ появляются клочки пены. Она наклоняет голову и целует мою руку.

– Возьми меня... их... – слова даются ей с трудом.

– Ты приносишь себя в жертву... мне?

Она вытягивается в струну и стоит уже на кончиках пальцев.

– Да! – и с этим криком она опускается, пытаясь нанизать себя на коготь. В ожидании и жажде боли.

Опережаю ее лишь на мгновение, и адамантиевый коготь оборачивается пальцем, а то, что должно было стать криком боли, сменяется громким стоном сладострастия. Ловлю алые губы своими губами, властно проникая языком в ее рот, прижимаю Селену к себе.

Мысленный щуп обращается жуткой лапой, врезаясь в самую суть волшебницы, разрывая самую основу разума, и обратным движением вырывает из того, что являет собой собственное «я» Селены, пульсирующий комок. Шок парализует мою жертву.левой ладонью охватываю тонкую шейку, едва сжимая, а второй отвожу в сторону бедро. Щупальца телекинеза незримиыми руками подвешивают Селену в воздухе в позе морской звезды. Заломленные руки оказываются за спиной, пальцы переплетены.

– На веки вечные, в уплату долга, забираю жертву, отданную добровольно... Я забираю твой...

Остатки лохмотьев, что были на мне, падают на пол, и я рывком, как насильник, вхожу в Селену.

– СТРАХ!

Широко раскрытые глаза волшебницы заливают пламя молодой звезды. Она охватывает меня бедрами и руками, от-

вечает на поцелуй. Водопад волос обращается жарким факелом. Все мои силы уходят на то, чтобы не дать этому предвечному огню первых звезд обратить меня в пепел. Я двигаюсь в неистовом ритме, ласкаю девушку всей своей сутью, всеми доступными силами, одновременно не давая ей убить меня и испепелить саму суть мира, что нас окружает. Моя сила, словно электромагнитная ловушка, удерживает плазму, нагретую до миллионов градусов. Невозможный в реальном мире контраст – теплая кожа, мягкие губы и абсолютный огонь, с каждым мигом все больше и больше опровергающий законы физики. Сообщая окружающей материи столько энергии, что она начинает расползаться кварками.

И теперь уже мне приходится бороться за свою жизнь. Меня окружает пламя, способное сжигать время и пространство.

Наши движения все быстрее, и волна наслаждения все ближе.

В отчаянной попытке спасти себя пробиваю наш кокон куда-то в направлении небес и с криком, полным наслаждения и чего-то первородного и животного, изливаюсь в Селену. Вся собранная сила бьет в полученный канал, а наш вопль, больше похожий на вой боли, разносится до горизонта.

Я бессильно обмяк, а на мне распласталась Селена. В этот момент я наконец-то ощутил себя человеком...

Интерлюдия 7

То, что начиналось как пусть и жестокая, но шутка, медленно, но верно оборачивалось полной катастрофой. То, что хаоситы синтезировали от скуки, запертые в свихнувшемся особняке, который вроде как согласился никого не убивать по-настоящему, превзошло ожидания, расчеты и худшие сценарии. Филина не отпускало почти 12 часов. Целебные заклинания и даже магия, которая должна была исправлять вообще все, что только могли придумать игроки, не работала.

Спустившийся с неба Кошмарик принес только больше вопросов. Оторванная голова появилась достаточно странным способом. Паучьи лапы, невероятно удлинившись, были опутаны паутиной. Вся конструкция напоминала большой воланчик. После совместных попыток привести Филина в чувство пугающе деловитый оживший ужас сплел вокруг ближайшего столба шатер и утащил в него Филина, предварительно замотав в кокон, словно какую-то муху. Этот кокон он подвесил в центре шатра и сам спрятался где – то внутри, уменьшив лапы до их обычного размера.

Через десять минут полной тишины Леголас зашел в шатер с охапкой каких-то тряпок и разложил их под висящим коконом. На это проявление заботы все промолчали.

Еще через пять минут Моргенханд хлопнул ладонью себя

по лбу, достал из инвентаря лопату и принялся ковырять ею брусчатку. Поймав на себе недоумевающие взгляды, он пояснил свои действия:

– Вот что я вынес из общения с Филином, так это тот факт, что хорошо укрепленный дзот никогда не бывает лишним. Ладно, если он очнется в плохом настроении – а он очнется в плохом настроении. Представляете, что будет, если он очнется в настроении хорошем?

После этого дзот был сооружен ударными темпами и по всем правилам фортификационного искусства. Через какое-то время он стал больше напоминать высокотехнологичную крепость и начал покрываться активными средствами защиты.

Через час кокон зашевелился.

– Господа, надо решить очень важный вопрос. Кого мы отправим к Филину с объяснениями? – Моргенханд задумчиво осматривал получившееся убежище, решая, чего бы еще добавить. Не то чтобы это было сильно полезно в общении с расстроенным Филином, учитывая тот факт, что он умудрился уронить на планету спутник, но...

– Ты лучший друг, ты и иди! – сходу предложил Луи. – Тебя-то он точно... Хотя...

– Во-во... – вздохнул Морген, вспоминая все те разы, когда он конфликтовал с этим сумасшедшим оборотнем. – Мне всегда больше всех доставалось. Может, Фауста? Ему точно понравится все, что Филин с ним сделает.

– Ты бы еще предложил для надежности накормить его нашими чудо-таблетками. Нам нужен вменяемый и работоспособный Филин, с учетом того, что до конца света осталось меньше десяти часов. И никто вообще ничего не сделал, – внес замечание Дуболом. – Может, пошлем нашего многоуважаемого Профессора? Ну, как почетного автора таблеток. Филин его действительно уважает, может, он и выживет. Для надежности, Профессор, сделайте вид, что у Филина была... ну это, аллергическая реакция, как у Луи на заклинания.

– Идея в принципе неплохая, – Профессор тяжело вздохнул. – Но вы не забывайте, что наш доблестный генерал умеет читать мысли. К тому же я просто под горячую руку не попадался. И мне достаточно неуютно. Как насчет Луи? С ним сложно что-то сделать одноразовым воздействием. Или Леголаса – у него все равно загнут болевой порог. И он единственный, кто не испытывает страха перед Филином. И не преклоняется перед ним. К тому же его сложно заподозрить в сговоре с нами.

– Не вариант. Это только отсрочит первую реакцию. И у Филина будет возможность подумать. Это пугает, – тяжело вздохнул Стив.

– Тогда, может, наших гвардейцев отправим? – Моргенханд оглядел комнату.

– Мы сходим! – пробасил замотанный в бинты мужчина.

– Нет, эти точно падут ниц и сделают только хуже. Ты бы

еще с Кошмариком договорился!

– Должна идти Селена! – присоединилась к разговору Элспер. – Она с ним спит!

– Я тоже! – подала голос Лунная танцовщица.

– Нет, тебя он просто трахает, – осадила ее Селена.

Все озадаченно замолчали.

– А в чем разница? – озвучил общее недоумение Моргенханд.

Тем временем Лиит с тихим змеиным шипением раскрыла веера. У Селены вспыхнули руки.

– Так, брейк! – Моргенханд встал между девушками. – Предлагаю сделать иначе. Кто хочет пойти будить Филина? – большая часть присутствующих подняла руки. – Мда, нам всем надо лечиться. Всем. А теперь еще раз. Кто готов пойти к Филину и объяснить, что мы его, кажется, убили, чисто по приколу? Напоминаю, за провал квеста его сотрут. У него был какой-то план и полная уверенность в том, что он работает.

– Ну, Филин сам был замечен в подобных розыгрышах. И двойными стандартами он вроде не страдал, – поежившись, заметил Стив.

– Тогда я тебе на всякий случай напоминаю: он крайне спокойно реагировал на то, что за подобное его часто и мучительно убивали. Так что для себя он тоже подобное поведение сочтет нормальным. С учетом всех его сил я бы не ставил на выживание. Убивать он будет от всей души. По-

настоящему. Так что еще раз: кто пойдет обрадовать нашего генерала?

Рук поднялось еще больше. Моргенханд со стоном опустился на землю и уткнулся лицом в колени. Потом тяжело вздохнул.

– Ладно, черт с вами, это и вправду заразно.

После чего поднял руку.

Через мгновение дзот потряс громкий хохот.

Во время всеобщей истерики никто не заметил, как из бункера тихонько выскользнула Селена и направилась к шатру.

Заметив исчезновение волшебницы, вся Армия хаоса, как один человек, прильнула к смотровой щели.

От шатра из паучьего шелка повеяло жутью. Кажется, даже свет звезд стал тусклее. Вскоре раздался полный нечеловеческого страдания крик. Женский.

– Ее звали Ангелиной, – севшим голосом выдавил из себя Моргенханд. – Наверно мы все же перешли черту. В такой агонии сгорает разум...

Крик повторился, но как – то иначе.

Через минуту из шатра выкатились два переплетенных тела в огненном коконе. Тела совершали ритмичные движения и издавали смешные хлюпающие звуки, а еще звуки, полные боли и страсти. Кокон светился все ярче и ярче, пока под аккомпанемент совсем уже нечеловеческих воплей в небо не

ударил столб света. И все погасло. Парочка замерла в солидных размеров воронке.

Ослепленные вспышкой хаоситы молчали. И тут голос подал Луи:

– Кто-нибудь знает, что это такое нахрен было?

Сосредоточенные на внезапном порно приключенцы не заметили, что огненный столб ударил в закрывающий половину неба планетоид и расколол его на ворох мелких и один огромный осколок. А вот счетчик начала конца света откатился обратно на четыре часа.

– У меня есть очень хорошая версия... – Моргенханд протер глаза и обратил внимание на увеличение цифр. – Помните, Филин говорил, что на той луне он провел практически пятьдесят лет? Из-за сжатого времени?

– Ну? – это уже хором.

– Ну. И он все эти пятьдесят лет того... – Моргенханд задумчиво поглядел на расколотый планетоид и воронку, в которой замерли любовники. – Копил...

Глава 5 (завершение)

Я поднялся с земли и подхватил на руки пребывающую в глубоком обмороке Селену. Вокруг меня подымались оплывшие края воронки. Я посмотрел на покосившийся шатер, в котором изначально лежал, и все же вспомнил о своих способностях. Телепатические щупы неплохо показали себя в роли паучьих лап, и я быстро нырнул обратно в укрытие. В куче тряпья на полу я обнаружил безразмерные и относительно целые шаровары. Кои и нацепил на себя. Другой пристойной одежды не оказалось, и я обратил внимание на ткань шатра. Пару взмахов незримыми клинками, и моя спутница бережно замотана в приятную на ощупь ткань. Шатер обзавелся огромной дырой, а я – чем-то очень похожим на плащ, который, впрочем, надевать не стал. Разодранная просто в мясо спина, ожоги на теле в форме пальцев и губ не стремились по какой-то причине экстренно регенерировать. И все это болело. Бар здоровья, на который я уже лет сорок не обращал внимания, был полон, и я лишь задумчиво пожал плечами, глядя на эту несуразицу.

Следующим этапом я обратил внимание на дыру в шатре. Вернее, на то, что в ней было видно. А виднелся там самый настоящий дзот. Из которого на меня смотрели двадцать восемь глаз или четырнадцать разумных.

Разум услужливо подсказал, что это мои верные соратники.

ки, подельники, собутыльники, друзья и вообще милые люди, которые не далее как полсуток тому назад предприняли почти успешную попытку меня угородить.

– Что, страшно?

Дзот находился от меня метрах в пятидесяти. Так что пришлось кричать.

Нестройный гул голосов был мне ответом.

Я подошел к дзоту, закинув Селену себе на плечо.

– Вот вы мне скажите, люди добрые, вы, когда поняли, что ситуация выходит из-под контроля и ваше чудо-вещество меня не отпускает, вы почему меня просто не убили? Это ведь достаточно очевидное решение.

– Ты ничего разве не помнишь? Мы пытались, не помогло...

И тут поток воображаемого ветра снес очередную порцию песка с моих воспоминаний.

Поток чудесных видений, в которых я свершаю очередное пафосное деяние, на мгновение прерывается. И с неба в потоке света, под прекраснейшую музыку, сходит Кошмарик. Химера напоминает огромный воланчик. Лапы, торчащие из обрубка шеи, сильно вытянуты и образуют купол. Этот купол обтянут белой паутиной. Кошмарик планирует прямо на меня. Я замираю с открытым ртом...

Реальная картина – почти такая же, за исключением музыки и потоков света. Ну что ж, допустим...

Замерев на мгновение, я перестаю отбиваться от вообра-

жаемых монстров и люблюсь красотой открывшегося зрелища.

Несмотря на жалкий вид, убить меня сходу оказалось достаточно нетривиальной задачей. Какие-то заклинания я просто игнорировал. От оружия и стрел неуклюже, но уклонялся, массовые заклинания работали неэффективно. В конечном счете меня просто вырвало недавно съеденным мусором навстречу какому-то особо жуткому колдунству.

Но в тот момент меня все же подловили. Сделать это удалось практически всем, если судить по логам. Надо будет потом попросить съемку, полюбоваться полученным эффектом со стороны.

Дальше была темнота и что-то горячее и сковывающее. Дышать я не мог, шевелиться тоже. Через мгновение пространство вокруг пришло движение, выталкивая меня, и в окружении жутких видений, в основном состоящих из зубов разной формы и размера, я упал на что-то твердое и холодное в луже дурно пахнувшей слизи.

Внезапная догадка обрушилась на меня подобно удару бейсбольной биты. Меня вывернуло себе под ноги, я едва успел отвернуться, чтобы не залить содержимым желудка Селену.

– Пиздец, мною вытошнило Кошмарика?

– А говорил я ему – скорми питомцу таблеток от глистов. Довели зверушку, – проворчал наш штатный гном.

В общем, эффект наркотика не прекратился даже после

смерти. Вот тут Армия хаоса впала в форменную панику, и в меня полетели все имеющиеся заклинания исцеления, регенерации, благословения и прочего. Через десять минут я достаточно ярко светился от эффектов, что сказалось на качестве галлюцинаций в лучшую сторону.

Тем временем Кошмарик, выпавший из фокуса внимания всех участников, свил шатер вокруг какого-то столба. После чего им была выполнена операция захвата. Парализующий укол хвостом в ногу, и вот мои видения сменились видением теплой воды, в которой я плаваю, глядя на звезды. Вскоре пропали и они.

Смирившись с неизбежным, я просмотрел другие свои воспоминания.

На мое лицо напозла жуткая усмешка. Взглянув на часы и вверх, я поднялся на ноги, запрокидывая голову к полыхающему небу.

– Знаете, друзья мои, вы рано успокоились. На самом деле все очень запутанно, и ничего страшного в общем-то не произошло. Или произошло, тут есть как минимум две точки зрения. Начну издалека... Кто-нибудь назовет мне основные правила употребления наркотиков? Просто в этом вся суть проблемы.

– Что-то я сомневаюсь, что правильный ответ можно просто найти в поисковике, – скептически заметил Венсер.

– Не догоняйся, пока не накрыло, – неожиданно произнес кто-то.

Я с удивлением уставился на автора высказывания. Им оказался Профессор. Под прицелом взглядов он смутился.

– Ну, я тоже когда-то был молодым.

– Ответ правильный. Просто я не ожидал от участников настолько глубокого понимания проблемы. Кто-нибудь может выдать нечто менее... профессиональное?

– Психоделики на выходе лучше всего полировать травой, – снова ответил карлик.

– Профессор, вы ведь понимаете, что нас могут читать дети? – я новым взглядом уставился на нашего самого возрастного сопартийца.

– Читать? Дети? Филин, я понимаю, что вопрос не очень тактичный, но ты точно осознаешь действительность? – Моргенханд вылез из дзота, подошел ко мне и потрогал лоб.

– Морген, тебе не кажется, что после того, что у меня было пару минут назад с нашей волшебницей, этот вот твой жест смотрится по меньшей мере наивно? А насчет твоего вопроса, не переживай: я последнее время адепт одного интересного воззрения, согласно которому я являюсь героем книжки.

– Религия? Ты хочешь сказать, что нам всем можно паниковать еще сильнее? – заметил Луи.

– Не, еще рано. К тому же ты так рассуждаешь, будто кто-то кроме меня и Профессора тут не может нажать логаут и сбежать из этого филиала победившего сюрреализма.

Молчание. И тут от моих друзей действительно повеяло

паникой. Еще большей паникой. Я растерялся, а потом достал из инвентаря хлопущку – и что она только там делала? – и дернул.

Раздался хлопок, и все вновь уставились на меня. А через мгновение – на огромный шар метров двух в диаметре, по виду очень напоминающий хлебное тесто. Шар со смачным шлепком упал на брусчатку. На нем появились два огромных глаза и открылась огромная пасть, полная человеческих зубов. С мой кулак размером.

Глаза совершили несколько оборотов в разные стороны и сфокусировались на точке где-то в небе.

– АХАХА, АХАХА, СВОБОДА, НАКОНЕЦ СВОБОДА, БАБУШКА, Я ИДУ, СВОБОДА, ТРЕПЕЩИТЕ, УРРОДЫ!

И странный шар покатился, издавая жутки вопли. Через несколько секунд он скрылся где-то среди куч мусора. Через какое-то время заглохли и вопли.

– Морген, извини, я тебя обманул. Видимо, меня до сих пор глючит.

Я с силой потер лицо.

– Мне кажется, мы все это видели? – ответил Морген.

Остальные молча кивнули.

Я с опаской посмотрел на хлопущку. Никаких подсказок не всплыло. От хлопущки пахло горелой химией. Повернув бумажный цилиндр, я обнаружил надпись: «С любовью, искренне твой, Папа».

– Так, очень извиняюсь еще раз. Предлагаю просто сде-

лать вид, что сейчас не было ничего, кроме громкого хлопка. В любом случае у нас есть проблемы посерьезнее. Я так понимаю, из игры никто не может выйти?

Тяжелое молчание было ответом.

– Это все связано с моим прямым вопросом. Чтобы больше не ранить ничью психику, я думаю, у нас на всех одной целой и так не наберется... Короче, правило такое: НЕ ПРИКАСАЙСЯ К ТЕЛЕФОНУ, КОГДА УПОРОТ. Никто ведь не интересовался, а не вышел ли я в сеть? Доходит? Нет? Разъясню, у меня не заблокированы только вы, еще полтора десятка игроков и администрация. Догадайтесь, кто мне умудрился написать? Так вот, они поинтересовались, что я хочу за отказ от претензий. Список возможных претензий там такой, что я мог стать собственником компании. Другое дело, что, на мой взгляд, судиться с собственными много-раз-правнуками неэтично, и я бы делать этого не стал, обойдусь и обычным шантажом... Ну так вот, все хорошо помнят, в каком состоянии я был? Я им ответил. Они согласились на все. То есть вообще на все.

– И что дальше? – устало вздохнул Стив.

– И теперь у нас эвент. Общеигровой.

– А типа раньше конец света был не общемировым эвентом? Ну, типа были те, кто могли не заметить? Ой, луна падает, всему наступает пиздец. Пойду поем.

– Принудительный общеигровой эвент. До сих пор не понимаете?

– Нет. Кроме того, что из игры на какое-то время нет выхода. Спасибо, что успокоил. Так что же ты там такого попросил? – Моргенханд уселся на камень и достал из инвентаря трубку. Видимо, уже забитую, так как вспыхнул огонек и сразу запахло ароматным табаком.

Я закинул голову к небу и нараспев прочитал текст общеигрового задания. Которое по моему же требованию так и не высветилось перед моими сопартийцами

*Да будет Смерть и Хлад и Тьма!
И да придут Жизнь и Свет и Пламя!*

Мир бьется в агонии, Дитя Хаоса разрывает кольцо, и нет силы, что предотвратит трагедию. Дни всех живущих сочтены.

*И лишь один из шести богов переживет смерть мира.
Один из шести сохранит право на созидание.
Один из шести обретет право на имя.
Один из шести станет автором нового мира.
Право и Имя есть сердце.
Сердце, что бьется в груди Филина, Несущего Хаос.
Вырвите его и обретите славу.*

– Так что, друзья мои, через два часа тут будут все. И эти все будут хотеть одного – убить меня. Все двенадцать миллиардов игроков. Правда, весело?

Глава 6

Небо переливалось тысячью оттенков пролитой крови. Ветер пах близкой грозой. Над гордом рождались облака, но тут же изгонялись безжалостным ветром. Словно огромная армия, отступающая в панике.

– А теперь добавь еще, что мы должны убить всех до того, как с этим успешно справится метеорит! – скептически заметил Стив.

– Да, всего-то делов – двенадцать миллиардов убийств. При среднем вытесняемом объеме в 70 литров, если их всех утопить, уровень мирового океана поднимется на два миллиметра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.